

The background of the cover is a stylized illustration. It features a large, bright yellow sun or light source in the lower-left quadrant, partially obscured by a dark, arched structure that resembles a window or a doorway. The sky is filled with swirling, abstract patterns in shades of blue, purple, and red, suggesting a dramatic or stormy atmosphere. The overall style is reminiscent of a graphic novel or a stylized painting.

Игорь Гергенрёдер

Солнце больше
солнца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Гергенрёдер
Солнце больше солнца

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Гергенрёдер И. А.

Солнце больше солнца / И. А. Гергенрёдер — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В романе показано неожиданное: случай заражения простого селянина идеей мирового господства. Она превращает человечка в гордеца, который презирает себе подобных, делается беспощадным убийцей. При этом с ним счастливы женщины, знающие о его злодеяниях. Он становится свидетелем воссозданных по документам испытания атомной бомбы на населении Оренбургского края 14 сентября 1954 года и катастрофы в засекреченном Челябинске-40 29 сентября 1957-го. Книга предупреждает о том, что на пресловутом комбинате «Маяк» продолжают аварии, которые пока удаётся скрывать, но пруды-отстойники переполняются ядерными отходами, ввозимыми из-за границы, и в любой момент может грянуть катастрофа, ужаснее предыдущих, включая Чернобыль. Случившееся ныне в Норильске придаёт роману особенную злободневность. Содержит нецензурную брань.

© Гергенрёдер И. А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Предисловие	6
1	7
2	9
3	11
4	14
5	17
6	20
7	22
8	24
9	26
10	28
11	30
12	33
13	36
14	37
15	39
16	40
17	43
18	45
19	47
20	49
21	52
22	54
23	57
24	60
25	63
26	65
27	68
28	71
29	72
30	74
31	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

*Гробы, что не каули в Лету,
зовут человечество к свету.*

Предисловие

Я родился в ста километрах от Тощих военных лагерей, где 14 сентября 1954 провели испытание атомной бомбы. 29 сентября 1957 в соседней области, в засекреченном городе Челябинск-40, недалеко от которого жили мои родные, произошла катастрофа, оставившая Восточно-Уральский радиационный след. С детства я слышал разговоры об этих двух взрывах, нагладелся на умиравших от их последствий. Я даю развёрнутую предысторию происшедшего, показываю жизнь села в Оренбуржье до рокового рубежа. Опираясь на свидетельства очевидцев, на документы, описываю сами события и то, что было после них. Сказано также о том, что мы видим сегодня, чего можно ждать и во что верить.

1

Отряд конников, рассыпавшийся по полю, преследовал двоих верховых; они вынеслись на гребень холма и скрылись за ним. Преследователи сберегали силы приморённых лошадей, трусили нешибкой рысью. Было за полдень; сентябрьское солнце улыбалось жалостно, в густо синюющей выси белые облачка гляделись дремотной лаской.

Маркел Неделеяев выехал на холм одним из первых. Впереди по пологому склону далеко стлался в осеннем смирении бурый с желтизной луг, слева вздымал крону молодой дуб в медно-рыжей листве, окружённый десятком младших братцев. С правой стороны луга полоса кустарника и сплошняк леса за ней являли все оттенки жёлтого, розового, рудого цветов.

По лугу шла лошадь без всадника, подальше рысью уходил вправо к кустарнику верховой. Все, кроме Неделеяева, пустились за ним в погоню. Маркел направил коня вперёд лугом; посадка в седле выказывала привычку к езде верхом. Он проворный парень, но не сказать, что ладно скроен, шея толстовата для его туловища, слишком большие кисти рук и ступни; лицо с мясистым носом малоподвижно.

Привстав на стременах, слегка клонясь вперёд, он приближался к потерявшей всадника лошади, не поворачивая голову влево, к семейству дубов, куда влекло его внутреннее сторожкое чутьё. Поравнявшись с молодым красавцем-дубом, до которого было около ста шагов, соскользнул с коня и спрятался за ним – на случай выстрела со стороны деревьев. Немолодой умный мерин, слушаясь хозяина, державшего его за уздечку, пошёл к дубам. Неделеяев продолжал укрываться за ним, прочёсывая острым взглядом пространство впереди. Он заметил на жухлом лопухе и на земле рядом кровь, достал из-за спины казачью, без штыка, винтовку.

– Выходи-и! никуда не денешься! – прокричал в радостно-свирином азарте.

Подождав, шлёпнул мерина ладонью по крупу, подгоняя к деревьям, – пригибаясь, всё так же прячась за ним, крался некоторое время, потом прилёг в увядшую траву, затвором дослал патрон в ствол, выставил винтовку. И тогда из-за дуба выполз, упираясь руками в землю, человек в потрёпанном кителе, отросшие чёрные спутанные волосы свешивались на глаза. Он приподнялся, встал на левое колено: поддерживая рукой правую ногу, переместил её, не сгибая, вперёд и сел, тяжело прижался спиной к дубу. Неделеяев видел – штанина почернела от крови.

– Где твоя винтовка? – крикнул, вставая.

– Когда ранили, обронил! – громко сказал человек, рукой откинул волосы со лба.

– А револьвер? – Маркел привычно сделал ударение на «о».

– Там за дубом лежит, – раненый слабо взмахнул рукой, указывая назад большим пальцем, – я все патроны расстрелял.

Неделеяев, дёрнув затвор, выбросив патрон, закинул винтовку за спину и, придерживая рукой ножны шашки, подошёл к раненому:

– А чо для себя последний не оставил? Ты – Кережков?

Человек сидел под дубом, прислонясь к нему спиной, левая нога согнута в колене, правая, простреленная, вытянута вперёд, земля под ней мокрая от крови.

– Я – Андрей Кережков, командующий армией восставших! – проговорил он громко, упрямо, смотря тёмными глазами в лицо Неделеяеву.

Тот, расставив ноги в разношенных сапогах, сказал возбуждённо:

– Наши говорят, что вся твоя агитация – хитрая брехаловка. А я тебе верю! Верю, что ты правда хочешь, чтобы каждый человек жил для своего дома и его не отвлекали бы от обеда и сна, чтоб он был в безопасности и в своей воле. Вот это и есть самый вредный вред!

Кережков, чуть морщась от боли раны, всматривался в Маркела:

– Ты не хочешь, чтобы твоему дому никто не мог угрожать?

– А он у меня есть – дом?.. Ну ладно, положим, он у меня будет. Но ты ж хочешь, чтоб и те, кто ходили по городу в чесучовых пинжаках, в шляпах и с часами, тоже были в безопасности, пили чай за разговорами, умничали, как им охота... – заговорил, напрягаясь в переживании, Неделеяев.

– Чем они тебе мешают?

– Тем, какую хотят жизнь! Им бы хорошо, чтоб каждый человечек старался для себя, довольный, что ест яйца, салтыце, а в воскресенье будет кушать курятинку. Мечта у него – накопить на новый костюм, на комод, на прибавку имущества. Неуж для этого должен жить мир? – крикнул Маркел угрюмо, словно выругал Кережкова матом. – Мир должен жить для идеи великих сил! Против неё человечек с его жизнью – свинячий бздёх! Конечно, он не хочет жить для идеи – его надо заставить... – Неделеяев сглотнул слюну, выдохнул с рвущейся злобой: – А ты захотел помешать... От наших тебя ждёт расстрел, но я хочу, чтобы ты принял от меня кару! – он потянул из ножен шашку.

Кережков усмехнулся просто и спокойно, отчего Неделеяев потрясённо замер. Раненый извлёк из-за отворота кителя пачку листов, протянул:

– Возьми. Будет у тебя, что оспаривать.

Маркел схватил листки левой рукой, скомкал, сунул в карман, правой сжимая рукоять шашки: в эти секунды Кережков вынул из-за голенища сапога маленький плоский пистолет. Неделеяев утробно ахнул, отшатнулся, а раненый левой рукой быстро оттянул затвор, приставил дуло к голове – не к самому виску, а чуть ближе к затылку, – стегнул резкий звонкий хлопок, прижавшаяся к дубу спина Кережкова чуть сползла, голова в отросших спутанных волосах легла на плечо, державшая пистолет рука выпустила его, упала наземь.

Неделеяев не двигался, уставившись на тело, потом быстро нагнулся, заглянул в застывшие глаза. Его взбесило, что от его кары враг ускользнул. Он распрямылся, занося шашку, – она вошла в голову мертвеца по стоки, тело подалось вбок, но осталось в прежнем сидячем положении. Неделеяев схватил мёртвого левой рукой за грудки, оттащил от дуба, несколькими ударами шашки, кривя рот и роняя слюну, отделил окровавленную голову от туловища. Подняв её за волосы, другой рукой держа шашку на отлёте, сосредоточенно смотрел в остекленевшие глаза, потом пошёл в одну сторону, в другую – словно искал, где спрятать. За дубом увидел на земле кобуру с австрийским восьмизарядным пистолетом «штейр»; опустил наземь ношу, поднял кобуру, вынул пистолет, убедился – патронов нет.

2

Сев на мерина, Неделеяев пустил его шагом через луг к выезжавшим из леса верховым, своим товарищам: курсантам оренбургских кавалерийских курсов. Командир отряда на серой в яблоках тонконогой, с широкой грудью кобыле, что-то бранчливо говоривший другому коннику, заметил Маркела, крикнул:

– А ну живо ко мне!

Тот подъехал крупной рысью, и командир, молодой, с задиристо-спесивым лицом, сказал недобро:

– Почему не был с отрядом?

– Я Кережкова настиг! – доложил Маркел, повернулся в седле, показал на дуб. – Там он. От меня не ушёл!

– Что – там он? что-о? – не веря, крикнул командир, глядя на парня как на придурка, и тут заметил на его рукаве кровь.

Все поскакали к семейству дубов, чтобы убедиться, как закончилось дело, вписавшееся в историю Южного Урала.

Шёл 1920 год, край усыхал под насевшей силой красных, в Оренбурге, в соседней Самаре, по уездам и волостям заглавную роль играла вгоняемая в затылки пуля, укореняя страх в населении. Продовольственные отряды навещали каждую станицу, деревню, хутор – забирали зерно, картошку, яйца, угоняли скот. Ограбляемый люд с голодухи варил похлёбку с выползками и лягушками, а на стенах изб, занятых под ревкомы, сельсоветы и комитеты бедноты, наклеивались плакаты: «Вперёд к заре новой жизни», «Нам светит маяк светлого будущего», «Ура мировой власти коммуны!»

И при этом торжестве революции 14 июля 1920 года 9-я кавалерийская дивизия, которая расположилась близ уездного города Самарской губернии Бузулука в сёлах Медведке, Каменной Сорме, Липовке, Ново-Александровке, восстала. Сюда дивизию отвели с низовьев Урала, когда там задохнулось сопротивление уральских казаков; её должны были пополнить людьми, лошадьми и оружием, чтобы забросить в дымную даль советско-польской войны. Но люди замитинговали.

Около десяти утра ревком Бузулука получил требования, доставленные делегатами дивизии, которых сопровождала неслабая охрана. В комнату с длинным голым столом набились главные лица власти. Секретарь уездного комитета партии, предполагая естественный вопрос – уведомлено ли губернское начальство и какие поступили указания? – сказал, что телеграфные провода перерезаны, город окружают восставшие. Затем он перечитал – теперь уже вслух, раздельно, для всех – напечатанное на ундервуде:

«Упразднить продовольственные отряды. Разрешить земледельцам продажу хлеба, масла, яиц и всех остальных продуктов их труда. Выдать особо виновных в насилии и кровопролитии...» Следовали пятнадцать фамилий, большинство названных командовали продотрядами.

Под требованиями стояла колонка подписей, первая – «Начальник 9-й кавдивизии Кережков».

Услышавшие это впали в мучительное беспокойство, перебирая свои тайные догадки. Кережков, большевик с дореволюционным стажем, в ноябре семнадцатого года командовал первым в Оренбуржье отрядом красной гвардии, который одержал первую, опять же, победу над сторонниками Дутова – юнкерами, – отбив у них станцию Ново-Сергиевка.

– Куда Саламатин глядел? – был задан вопрос председателю уездной ЧК.

Саламатин возглавлял в 9-й кавдивизии Особый отдел, чьё прямое назначение: слежкой, вынюхиванием обнаруживать гнильцо и плесень, не говоря уже о червоточине измены.

– От него ничего не поступало. Наверно, он устранён, – ответил руководитель людей с чистыми руками и горячим сердцем.

– Если бы так... Его подпись вот! Вторым поставил, – проговорил, с тяжкой мрачной задумчивостью уставясь в бумагу, секретарь уездного комитета партии.

Его спросили, кто ещё подписался, и он стал зачитывать:

– Военком дивизии Трифонов, военком штаба дивизии Зайцев...

Подписались начальник штаба, комбриги, командиры полков, комиссары бригад и полков.

Острая озабоченность так уплотнилась в комнате с закрытыми из предосторожности окнами, что резко запахло потом, обильно выделяемым заседающими. На каждого давило: а не узнано ли коммунистами кавдивизии что-то, пока неизвестное в бузулукском ревкоме? Тут в аккурат прибежал посыльный из гарнизона, доложил: среди солдат ходят слухи, что в Самаре восстали стоящие там части и что в самой Москве «власть разделилась».

– Подкинули агитаторы от Кережкова, – сказал странно мирно партийный секретарь.

Председатель ревкома предложил отобрать у солдат винтовки и раздать тем коммунистам, на кого можно надеяться. С ним согласились, стали вставать со стульев, и секретарь громко произнёс:

– Надо записать, чтобы осталось на случай отчёта, что мы создали военно-революционный комитет для борьбы с мятежом!

Запись заняла несколько минут, все повалили из комнаты. Уездный военком Сучков сел в большой открытый автомобиль, куда поместилось ещё пятеро из тех, чьей выдачи требовали восставшие, взревел мотор – машина, поднимая по улице пыль, унеслась в сторону, противоположную селу Ново-Александровка, где стоял штаб 9-й кавдивизии.

По полевым дорогам на Бузулук в обающий зноем день надвигалась конница, катили на высоких колёсах двуколки с пулемётами, шестёрки рослых лошадей тянули трёхдюймовые пушки. По сторонам вызревшие хлеба поднимались лишь отдельными участками, остальная земля заросла сорняками, оставшись незасеянной, – мало кто сумел уберечь семенное зерно от продотрядников, да и не тянуло сеять ради того, чтобы людям с винтовками и маузерами было что выгрести.

3

К ревкому подскакали конники, из-за двери выглядывал служащий. Один из верховых позвал его взмахом руки и, наклонившись с седла, передал ему пакет. Служащий побежал к секретарю уездного комитета, который прочитал: «Сложить оружие в течение двадцати минут. Иначе город будет взят с боем и виновные в сопротивлении предстанут перед судом. Кережков».

Секретарь обмакнул перо в чернильницу и на чистом листе торопливо написал: «Начдиву за 20 минут вернуть воинские части на место стоянки. Выслать представителя для переговоров. За кровопролитие ответственность ляжет на Вас». Показал лист председателю ревкома:

– Будем подписываться?

– Напиши просто: ревком.

Секретарь написал, протянул бумагу служащему:

– Они придут, и им передашь. Тебя не должны тронуть.

Второй автомобиль унёс из города партийного секретаря, председателя ревкома, председателя уездной ЧК и несколько персон помельче.

Через полчаса по Бузулуку промчалась к вокзалу конная разведка восставших. Затем в улицу, на которой забрал себе здание ревком, стала втягиваться колонна всадников. Передний – сухопарый, мужественно красивый – был в гимнастёрке, перехваченной крест-накрест кожаными ремнями, при шашке и кобуре с пистолетом «штейр»; из-под мягкой фуражки с алой звёздочкой выбивались чёрные густые волосы. Это тридцатилетний начальник 9-й кавалерийской дивизии Андрей Кережков. Конник справа от него держал знамя, упирая его древко в стремя, по красному полотнищу было выведено густо зелёным: «Соц. Южноуральская Респ.»

Кережков, натянув поводья, развернул коня хвостом к ревкому и, оглядывая собиравшихся на улице солдат бузулукского гарнизона, зычно обратился к ним:

– Нашему краю хватает пахотных земель и пастбищ, чтобы всё население имело вдоволь хлеба, мяса, масла! Но Москва, центральная власть, – вы знаете лучше меня – забирает у нас наше продовольствие, чтобы кормить своих людей в городах. Какой простой и удобный найден выход!

Человек разгорячась, нервно сняв и надев фуражку, произносил тяжкое в своей простоте:

– Власть должна уметь налаживать городскую жизнь так, чтобы у горожан было, что отдавать за продукты. Так всегда жили город и деревня, и так они и живут во всех странах мира. Но в нашем Центре засели люди, не способные к управлению. С голодом в городах они борются средством, на которое хватит ума последнему дураку: силой отбирать продукты у земледельцев.

Слушавшие Кережкова – в основном, мобилизованные крестьяне – откликнулись роковым согласием. Он похлопал по шее лошадь, которая беспокойно переступала под ним, и заговорил снова:

– Я сам коммунист, товарищи, и я не отрекаюсь от коммунизма. Он приманчив тем, что это – общество сытых, счастливых людей. А коммунисты из Центра куда нас ведут? Мы окончили победой жестокую войну в нашем крае, но на этом нет конца и перехода к устройству жизни. Нас посылают воевать с Польшей, а затем будет снова война с немцами и с другими европейцами – до победы, как нам говорят, мировой революции.

Кережков окинул вопрошающим взглядом толпу, которая быстро росла. Ладный и видный, он продолжил речь в подмывающей искренности:

– Царь и его окружение, ради своих интересов, гнали нас на войну с германцами, с австрийцами, с турками. Многие из вас хлебнули этой войны. А теперь московское руковод-

ство, Центр, снова гонят нас на войну – не на такую же самую? Только вывески сменились. Вот почему мы восстали, товарищи!

Он поднял сжатый кулак:

– Долой войну за всемирную революцию! То будет война без конца, война, которая прикончит каждого из нас! Кто может представить эту самую победу всемирной революции? Что это за рай земной? Мы с детства слышали про рай на небе, а теперь нам сулят рай в будущем, и за него мы должны класть жизнь...

Из толпы отозвались:

– Брехню враками заменили!

Полная народа улица исторгала: «Заводы остановили, деревню грабят и обещают счастье всего мира!», «Это каким нас считают дурачьём!», «Ложку у тебя изо рта хватать – и гонят умирать за новую жизнь!», «Какая была старая – знаем. Какая настала после – узнали. А что за чудо – заря новой жизни?»

Кережков, поворачиваясь в седле вправо и влево, ответил громко и отчётливо:

– Её обещают те, кто дал нам нынешнюю. Вот и понимаете, какую они хотят дать новую!

Митинги забурили по всему Бузулуку, восставшие выпустили из тюрьмы заключённых. Типографию загрузили до отказа – печатались воззвания: «Центр! Руки прочь от продуктов труда!», «Пусть Центр питается идеями мировой революции». Кережков сам прочитал корректуру написанного им своеобразного трактата, который позже называли также манифестом: «Созидатели домашних солнц».

Началась запись добровольцев в ряды Армии Правды – название дружно одобрили на одном из митингов. Повстанцами уже были заняты железнодорожные станции Тоцк и Погромная, часть конницы устремилась к станции Колтубанка и там перехватила автомобиль с уездным военкомом Сучковым и его спутниками.

Оренбург послал против повстанцев войска по железной дороге, 18 июля они выгрузились из поездов недалеко от деревни Курманаевки, куда эскадрон восставших привёз на подводах оружие для жителей. Эскадрон при поддержке спешно созданной крестьянской пехоты врасплох ударил по частям противника, были взяты трофеи и десятки пленных. Оренбург подбросил своим подкрепления. Силы повстанцев под началом Кережкова сосредоточились у деревни Антоновки – день, и без того жаркий, раскаляли стычки, переросшие в бой, когда шесть часов подряд пот смешивался с кровью. С обеих сторон била артиллерия, рвавшиеся над цепями атакующих снаряды разили их шрапнелью; конница восставших и их усевшаяся на телеги пехота стали обходить правый фланг врага – красноармейцы отступили перед Армией Правды.

22 июля повстанцы отрезали от основных сил противника карательный батальон ВОХРа, погнали его к заранее устроенной засаде за кряжком, выступающим над ельником. Внезапно подувший ветер примчал огромную тучу, она зачастила слепяще белыми вспышками изломистых молний, гром рвал перепонки, стеной рушился ливень. Вохровцы скопились в ельнике, молния ударила в старую ель – у той расщепилась, рухнула вершина, ель запылала, но огонь залило водой с неба. Повстанцы наседали на врага так неистово, будто буря была на их стороне. Красные попытались уйти, огибая кряжок, наткнулись на засаду, и кто не был убит, сдался.

Восстание перебрасывалось из уезда в уезд, агитаторы развозили воззвания; состав ревкомов, сельсоветов, комитетов продовольствия разбегался.

Армия Правды ринулась на Уральск, быстрое движение растянуло её, те, кто был впереди, не дожидаясь приотставшие части, атаковали противника, который, оказалось, втрое превосходил повстанцев числом и имел вдоволь снарядов. Взять Уральск повстанцы не сумели и обошли его. И тут стало замечаться, как не хочет население долгой войны; горевшие тут и там костры зачಾದили, потух один, второй, третий.

Меж тем из Самары на силы Кережкова были брошены полки наёмных китайцев и красных венгров, бывших военнопленных австро-венгерской армии, с ними шли полки рабочих, чьи семьи в городах кормились хлебом, отнимаемым у деревни. Города напрягали мускулы, снабжая красноармейцев винтовками, пулемётами, патронами и снарядами, а восставшие располагали только тем, что отбивали у врага.

К середине августа части Армии Правды, вырываясь из окружения по разным дорогам, соединились у деревни Кинзягулово, здесь было всё, что уцелело: две тысячи сабель, семьсот штыков, восемь пулемётов и четыре орудия, при них шестьдесят снарядов.

Кережков настоял на контрнаступлении. 16 августа на рассвете восставшие устремились на Умёт Иргизский, накануне занятый тремя полками красных. Те выступили навстречу – тогда запряжки повстанцев понеслись к их флангам, доставили на удобные позиции пулемёты, и под их перекрёстным огнём красноармейцы отхлынули.

Однако с тыла на восставших двигались ещё три красных полка с десятью пушками, противник был и справа и слева – на расстоянии дневного перехода.

Кережков решил провести своих в Закаспийский край, там сентябрьским днём у озера Губачье весьма сократившаяся Армия Правды застала рыбаков на их промысле. Часть повстанцев смешалась с ними, спрятав оружие в рыбацких шалашах, в двух из них были укрыты пулемёты. Остальные армейцы, уводя лошадей, оттянулись на некоторое расстояние.

Эскадроны оренбургских кавалерийских курсов первыми из красных частей приблизились к озеру, высланная вперёд разведка, завидев рыбаков с сетями возле лодок, поскакала к ним узнать о кережковцах. Рыбаки сказали, что те ушли на юго-восток. Курсанты стали съезжаться на берегу, и тут из шалашей заколотили пулемёты, а принятые за рыбаков кережковцы бросились к винтовкам, стали в упор расстреливать кавалеристов. Масса их галопом пустилась прочь, и когда прискакали из отдаления конники Армии Правды, курсантов было уже не догнать. Но не имелось и сил воевать с красными полками.

Повстанцы ушли в Туркестан, где против большевиков вели партизанскую войну басмачи.

Вскоре, однако, Кережков с маленьким отрядом вновь появился в Оренбургском крае, раздавая трактат о неприкосновенности дома, труда, его плодов под изумляюще не похожим на ходовые лозунги названием «Созидатели домашних солнц». За упрямым повелем ярую охоту, он, теряя людей, ускользал от загонщиков сутки за сутками, час за часом, пока – в свой последний земной миг под осенним медно-рыжим дубом – не ушёл совсем.

4

Неделяев, сидя в седле, смотрел на тело под дубом с затаённым торжеством. У командира отряда, по-молодому несдержанного, исказилось лицо, лошадь под ним подалась назад гладким крупом.

– Ты зачем голову отрезал? – парень вглядывался в Маркела с гадливо-злой подозрительностью.

Тот молчал, презрительно думая: «Нет в тебе переживания за идею мировой силы и оттого нет моих чувств».

Командир сошёл с лошади, нагнулся над обезглавленным телом, осмотрел.

– Он был раненый и ничего не мог. Куда ты голову дел?

Неделяев объехал дуб, указал рукой на лежащую на земле голову.

Командир, подойдя и поглядев, с враждебностью приказал Маркелу:

– Возьми, отнеси к трупу, положи вверх лицом!

Съехавшиеся курсанты наблюдали, как Неделяев, спешившись, поднимает одной рукой за волосы голову, огибает дуб и опускает её у обезображенного тела – в кровь, натёкшую из перерубленных сосудов шеи.

Командир отряда, приняв важный вид, произнёс:

– Это действительно Кережков! – и обратился к курсантам: – Кто ещё видал его раньше? Это он?

Двое после осмотра подтвердили; о том же говорили документы, найденные в карманах кителя.

Неделяеву было приказано сдать оружие – один из курсантов взял его винтовку, шашку и принадлежавший Кережкову пистолет.

– Разберутся с тобой, откуда у тебя интерес – вытворять... – объявил Маркелу командир.

Он вынул из планшета бумагу, карандаш и записал: «28 сентября 1920 г. в 2 часа дня 10 минут в 5 верстах от деревни Маховки, где примечается группа дубов, под самым большим обнаружен труп Кережкова, убитого самовольно и без свидетелей курсантом Неделяевым».

Положив документ в планшет, командир вскочил на лошадь, приказал троим курсантам охранять тело и отправился с отрядом в деревню Елшанку. Там Маркела заперли в сарае около избы ревкома, поставили часового, а за останками Кережкова была послана подвода. Через два дня их осмотрели приехавшие в деревню следователи уездной и губернской ЧК и распорядились закопать не на кладбище, а в степи.

Неделяева допрашивал следователь с двумя помощниками. Его интересовало, почему Маркел отделился от отряда.

– Тут значение идейное... – медленно проговорил Неделяев и многозначительно умолк, выдерживая взгляд следователя.

– Отвечайте яснее! – приказал тот.

– Я понимал, что от этого врага – самый большой вред. Такое у меня понимание вредных идей, – убеждённо уведомил чекиста Маркел. – И я знал, что достану его... – он ушёл отвлёкшимся взглядом в недоступную другим даль и счастливо улыбнулся.

Затем проговорил рассудительным голосом:

– Они двое от нас уходили – Кережков и его ординарец. И я как увидал лошадь без ездока, а недалеко – дубы, – ну, думаю, он под ними захотел скрыться.

– Почему не мог быть ординарец? – въедливо сказал следователь, не сводя глаз с допрашиваемого.

– Ординарец – это не то. Дубы подходят Кережкову! – произнёс Неделяев как о чём-то, понятном именно ему, лицо тронула самодовольно-хитрая улыбка.

Следователь переглянулся с помощниками. На вопрос, стрелял ли в него Кережков, Маркел ответил:

– Да нет, у него уже патронов не было. А дамский пистолетик он для себя приберегал. – Малый вдруг привстал с табуретки, отводя в сторону правую руку, глаза побелели: – О-о-ох, принял бы он от меня...

– Ты, не имея приказа, хотел его убить?

Маркел шмыгнув носом, как-то враз ослабел, опустился на табуретку.

– Ты коммунист и не сознаёшь – от него живого было бы больше пользы, чем от мёртвого? А как его потом покарать – есть кому принять решение! – проговорил следователь хлётко, отрывисто и добавил с ледяной угрозой: – С какой целью ты хотел устранить его от суда?

Неделяев прижал к груди руки, сморщил лицо, обращаясь к троице:

– Товарищи, я со злостью на него не совладал! не осознавал тогда, а теперь сознаю ошибку...

Чекисты помолчали, следя за ним. Следователь произнёс:

– Учитываем твою молодость, незрелость характера. А что ты ему голову отрубил – это был у тебя припадок.

Маркел надулся:

– Я не припадочный.

– Отрубил, понёс за дерево – для чего? зачем?

– Ну, нашло на меня!

– То-то и оно! – кивнул следователь и опять переглянулся с двумя своими.

Неделяева освободили. На собрании партийной ячейки секретарь, сжимая кулак и постукивая им по столу, говорил Маркелу:

– Ты по молодости сделал глупо и должен понять свою глупость. Вот узнали бы в деревне, что ты сделал, и стали бы разносить: коммунисты мёртвым отрезают головы...

Неделяев, потупившись, твердил, что признаёт ошибку, при этом думая о секретаре и других собравшихся, которые тому поддакивали: «Вы – коммунисты сегодняшнего дня, и все ваши заботы и мысли – в этом дне. А я – человек завтрашних сил коммунизма, и то, что я такому врагу голову отсёк, будет тогда правильно пониматься как боль за идею всемирного могущества!»

Из партии его не исключили, но ошибочный поступок поставили ему на вид. И по окончании курсов, хотя он был одним из лучших на занятиях, ему не присвоили командирское звание. Секретарь партийной ячейки позвал его к себе, и Неделяев узнал, что должен завтра в три часа зайти в губчека. Глядя в бумажку, секретарь назвал номер кабинета и фамилию человека, к которому надо явиться.

Человек, сидя за столом, читал бумаги; он был вроде бы нестар, но с морщинистым лбом и седыми висками. Бегло кивнув вошедшему Маркелу на стул, снова занялся чтением, затем убрал бумаги в стол.

– Вы нам известны, – произнёс удовлетворённо, как если бы ему было очень нужно узнать что-то о Неделяеве и он это узнал.

В кабинете повисло молчание. Маркел двинулся на стуле, потёр ладонями колени.

– Я вашим товарищам на всё ответил полностью, – сказав это, он душою перенёсся в те минуты, когда объяснял следователю своё понимание особо вредных идей, а самого обурежала заветная великая идея. Сейчас то же чувство подзадорило его: – Сколько ещё вокруг врагов! Примите меня к вам служить, поручите уничтожить их! – он глядел на чекиста широко раскрытыми глазами, стремясь выразить самую истовую преданность.

Тот ведал кадрами и как раз и собирался дать Неделяеву должность: выворачивать у арестованных нутро, приговорённых оделять последним шлепком. Но Маркел своей резво-

стью подвёл себя под поступающие сверху предостережения: о вреде излишеств в страстях (в садистских – тоже).

– Люди у нас имеются, – сухо сказал нестарый человек с морщинистым лбом.

Неделяев в обиде ждал, что тот скажет ещё. Хотелось выказать гордость и ум, но не хватало духа: был неодолим страх от того, где он находится.

– Никто не видел, как вели себя вы и Кережков перед его смертью. Всё ли так, как вы рассказали? – промолвил чекист с едкостью недоверия.

Маркел всё время помнил о прокламациях, которые взял из руки Кережкова и сунул в карман. Он не сказал о них командиру отряда, молчал и потом и произнёс сейчас клятвенным тоном:

– Как оно было, так я отвечал и могу повторить!

– Что же, если вдруг что-то припомните – такое бывает, – придите и скажите нам. Для вас это будет лучше, – неспешно и властно проговорил чекист.

У Маркела выиграло ретивое от чувства, что он недооценён.

– Вы вот говорите – у вас имеются люди против всех опасных врагов. Но те идеи, которые сеял Кережков, живут! И чтобы их победить – очень много надо устроить! Нужно установить всемирное могущество – только тогда идеи Кережкова посрамятся!

Чекист подумал: «Ишь, как тянешься к роли повыше!» Бросил жёстко:

– Не надо себя считать умнее других! Мелко плаваешь пока! – и заключил с неприязнью: – Свободен!

Неделяев из губчека сразу же пошёл к секретарю партийной ячейки. Тому было весьма любопытно, зачем Маркела вызывали. Передав краткий разговор с чекистом, парень нервно и оскорблённо пожаловался:

– Я служить хочу, и что мне теперь – землю пахать или на рабочего учиться? Я же оружием владею!

Секретарь сделал значительное лицо:

– Я поговорю с партийными товарищами в милиции. Я знаю – им нужны непьющие.

И вскоре Неделяев получил документ «уполномочен надзирать за порядком в волостном селе и во всей волости...» Село, куда, по его просьбе, он был послан, была его родная Савруха.

5

За ним записали саврасую малорослую крепкую лошадь с длинной гривой. Он восседал на ней, облачённый в новую длиннополую шинель, обутый в новые яловые сапоги, которыми был несказанно доволен. Шашки ему теперь не полагалось, но из-за плеча высовывался ствол казачьей, без штыка, винтовки, к боку прилегал кобура с наганом.

Неделяев ехал шагом по дороге, которая тянулась по возвышенности вдоль леса, что справа жался к обочине; с левой стороны лежало слегка посыпанное снегом поле, за ним извивалась замёрзшая речка, видная лишь местами за полосой голого, но густого мелкоколосья и кустарника. Впереди в долине и далее на изволок виднелись постройки и дворы села Савруха под серо-серьёзным зимним небом. День, тускнея, плыл в сумерки.

Два года назад Маркел вместе с другими новобранцами Красной Армии ушёл отсюда растерянный, жалеющий себя, придавленный страхом войны, а ныне возвращается человеком власти – хоть и не из первых в последней десятке.

Он обогнал нескольких баб: те шли в село с тощими мешками за спиной и, обернувшись и узрев верхового военного, торопливо подались в сторону от дороги. Маркел перевёл лошадку на рысь, пустился безлюдной улицей, оставляя позади двор за двором; поравнявшись с приоткрытыми воротами, натянул повод, вглядываясь в крытый жостью дом, который был заметно больше соседних. Из пяти его окон три оказались забиты досками. В просторном дворе чернели обгоревшие стены постройки; конюшня, хлев, амбар, другие строения были целы.

Неделяев крикнул во всю силу лёгких:

– Эй! Есть кто?

В одном из незаколоченных окон дома мелькнула тень, затем открылась дверь сеней, на крыльцо вышел, надевая шапку, мужик в куртке из невыделанной овчины.

– Ага! ага! – говоря с показным радушием, глядя под ноги, он осторожно сошёл по ступенькам, направился к всаднику у ворот: – Маркел Неделяев! – в возгласе узнавшего проскользнул интерес.

– Сельсовет где? – спросил строго Маркел.

– Здесь и есть, – произнёс человек, с достоинством поправил шапку.

– Я так и знал, в каком ещё доме-то ему и быть, – Маркел спешился, ввёл лошадь во двор, слыша:

– Я тут председатель сельсовета.

Неделяев сказал на сей раз доверительно:

– Значит так! Ну вот, Авдей...

– Степанович, – подсказал человек.

Маркел кивнул, извлёк из-под отворота шинели сложенный лист, вручил председателю:

– Вот документ, Авдей Степаныч. Я назначен от милиции надзирать за порядком по всей волости.

Председатель провёл ладонями по полам куртки, взял бумагу, подержал перед глазами:

– Темновато, в доме разберу. А вы привяжите лошадь к воротам, мой паренёк сведёт её в конюшню, напоит, корму задаст. Идёмте в дом, – и добавил как бы тоном сожаления, оправдываясь: – Его под сельсовет уездная власть отдала.

Авдей Степанович Пастухов, говорливый многодетный крестьянин, стал председателем сельсовета по трём причинам: бедный, грамотный и, что весьма важно, его старший сын, мобилизованный красными, вышел в командиры взвода.

Пастухов сказал шедшему с ним к крыльцу Маркелу:

– Слыхали мы, как вы смело воевали...

Маркел мгновенно насторожился, ожидая намёка на отсечение головы у мёртвого, но Пастухов высказал бесхитростную похвалу: – как вы с товарищами всю банду Кережкова и его самого порубили.

Удовлетворённый, что правда осталась вне слухов, Неделяев, кивнув, не смог удержать слов:

– Очень опасный враг.

Из сеней вынырнул парнишка лет шестнадцати, поздоровался с Маркелом, выслушал распоряжение отца, побежал к лошади. Пастухов пропустил волостного милиционера в сени, поясняя:

– В кухне печь протоплена, я там обретаюсь. А те комнаты нынче не нагреешь, там три голландки, вы-то знаете...

Маркел вырос под крышей этого дома. Его хозяин Фёдор Севастьянович Данилов когда-то взял в батрачки девочку Катю, которую мать заставляла просить милостыню. Работу Кате давали посильную, Данилов кормил вдоволь, маленькая батрачка стала ладной остроглазой девушкой. Семнадцати лет она пошла под венец с Николаем Неделяевым, который был чуть старше неё и тоже нанялся к Данилову батраком. Хозяин пустил молодых в тёплый, под одной крышей с баней флигелёк, там и явился на свет Маркел.

Через год молодой отец подался в Бузулук «искать годное место» – не до смерти же, мол, держаться за батрацкую долю. Позднее его видели в Оренбурге – собой довольного, о семье не спросившего.

Минуло ещё года полтора: в село заехал предприниматель, который скупал телячьи желудки для отправки в засоленном виде в Самару, где из них получали особый питательный экстракт. Деловой человек остановился у Данилова, покупая у него товар. Перед отъездом купца, оба в подъёме духа от сделки, под аппетитную закуску попивали водку завода «Долгов и К», известную отменной очисткой от сивушных масел, и гость попросил отпустить с ним Екатерину. Она ждала за дверью, тут же вошла, поклонилась хозяину в пояс и, не вытирая слёз, взмолилась, чтобы он взял на попечение мальчишечку – дал ей «возможность новой жизни».

Фёдор Севастьянович хмыкнул, подумал, вздохнул и произнёс:

– Ладно уж. Уже то хорошо, что не клянёшься, что вскорости его заберёшь.

У него росли три дочери, старшая училась в частном пансионе, приезжала домой на каникулы. Младшая была на пять лет старше Маркела. Жена хозяина богобоязненная Софья Ивановна пожалела «кинутого сироту», его взяли в дом, поставили в просторной кухне детскую кровать. Мало того, что он раздет, разут не был, но вдоволь ел блины трубочкой с жареным молотым мясом внутри, которые нередко пекли в скромные дни.

По мере того как он рос, его приучали к работе: он помогал кухарке перебирать гречку и горох, протирал вымытые стаканы, носил курам пшено, рвал для кроликов траву. Когда кровать оказалась коротка, стал спать на лавке, на ночь постилая тюфяк.

Пришёл срок, хозяин отвёл приёмыша в сельскую трёхгодичную школу, окончив которую, Маркел с утра брался за свою долю трудов по хозяйству, становился более и более полезным. Хозяйство всё прибавлялось, нанятый батраком парень Илья Обреев тоже был поселён в кухне.

Теперь Пастухов привёл Маркела в эту кухню, тот увидел на знакомом столе из вековой сосны, ныне непокрытом, школьную тетрадку, огрызок карандаша, сальную свечу в гранёном стакане.

– Вот здесь заседаю и делаю, что велят, – сказал Пастухов тоном жалобы на тяжёлую обязанность, чиркнул спичкой, зажёл свечу, добавил: – Лампа есть, да нет керосина.

Он взялся читать бумагу о назначении Неделяева, меж тем как тот прислонил к стене винтовку, положил на подоконник чёрную офицерскую кобуру с наганом, постелил на лавку

шинель, поместил вещевой мешок. Прodelав всё это, он, в суконном кителе, перехваченном кожаным ремнём, пристегнул к нему кобуру и сел на табурет за стол.

Председатель сельсовета глядел на него с возросшим почтением.

– Это вас к нам направили из-за банды Шурия? – проговорил вкрадчиво.

– Не только, – с важностью обронил Маркел, впервые услышав о названной банде.

Пастухов, учтя, что представляет хоть и не вооружённую, но – власть, сказал снисходительно, будто отвечая на просьбу:

– Конечно, тут переночуйте, а завтра найдётся вам квартира. – Раздумывая, добавил: – Покормить бы вас надо... – при этом смотрел на вещевой мешок Маркела, вызывая на ответ: у меня, мол, есть чем поужинать.

В мешке в самом деле была провизия, полученная Маркелом при отъезде в село, но ему хотелось её приберечь, и он промолчал. Пастухов вышел из кухни, позвал сына, распорядился и, вернувшись, сел за стол, стал рассказывать, кого убили на войне, кто умер сам или был убит в селе, пока отсутствовал Неделеяев. Тот услышал и о свадьбах, и о пожарах. Сидел и внимал рассказчику, не устаивая того взглядом, с видом обстоятельности, как всего повидавший влиятельный старик. Подбросил вопрос:

– Банда у Шурия большая? – глаза при этом стали хитрыми, будто он знал численность банды и проверял рассказчика.

Тот проговорил осторожно:

– Они открыто ведь не ездят. Днём кто-то для них высмотрит двор, они ночью приедут шестером ли, всемером и уведут последнюю скотину.

Сотрудник милиции, замкнуто-значительный, ничего на это не сказал, в то время как Пастухов втайне изумлялся: «Сколько же ему лет? Не более, как двадцать, а какой стал матёрый ворон».

Паренёк принёс в кошёлке полгоршка постных щей, несколько варёных картофелин, ломоть хлеба. Маркел молча приступил к еде, и председатель окончательно утвердился: «Истый ворон! Сел и клюёт как извеку своё, и никакой тебе любезности».

В кухне было две двери: одна открывалась в сени, другая вела в прихожую – обширное помещение с ходами в две комнаты и в столовую, которую чаще называли горницей.

Пастухов перед тем, как уйти, сказал:

– Я всегда ухожу через прихожую и там на двери из сеней замок повешу. А на вот эту дверь в сени замка нет, приколотили, видите, крючок, да плохо. Дверь потянуть, и в щель можно нож просунуть, крючок снять. Илья Обреев так сюда и проникает ночевать.

Тут выдержка подвела человека из милиции, у него вырвалось:

– Обреев?

Пастухов, довольный, что на сей раз Маркел удивлён, охотно заговорил:

– Он тут с вами жил, и куда ж ему деться? От военной службы в бегах, проживает то у нас в селе, то поблизости. У него в руках, вы-то знаете, любое дело спорится. Он за всякую работу берётся за кусок хлеба. Мужик мирный. И как я дверь на крючок закрою и другим ходом выйду в сени, а их запереть нечем, он через них сюда.

Неделеяев вскочил из-за стола, резко повернулся к Пастухову:

– Он и сегодня придёт?

Авдей Степанович произнёс рассудительно:

– Чай, зима на дворе, а тут печь всегда истоплена, и ему тут привычное жильё, другого не было. Сторожем против него нам некого ставить, оружия нет.

Маркел стал опять невозмутимо-молчалив, председатель сельсовета попрощался с ним до утра и ушёл.

6

В тёплой кухне Неделяев снял китель и разулся, перед этим положив наган на табурет у лавки. В окно были видны мерцающие звёзды. Он задул свечу, лёг на постланную на лавку шинель, стал подрёмывать. Прошло не более получаса, как в сенях скрипнула дверь, затем кто-то снаружи потянул на себя дверь кухни, слегка звякнул поддетый снизу сброшенный крючок. Вошедшая фигура в темноте уверенно направилась к столу: пришелец не ожидал кого-то здесь застать.

Маркел, схватив наган, сел на лавке, выкрикнул:

– Стой! Стрелять буду!

Фигура замерла, раздался растерянный, дрогнувший в сомнении голос:

– Кажись, знаю тебя...

– Возьми на столе спички, зажги свечу! – приказал Неделяев.

Пришедший исполнил, что было велено, вытянул руку с горящей свечой – свет упал на лицо Маркела, на револьвер:

– Правда, ты...

– Поставь свечу на стол перед собой! – с этими словами Неделяев встал, не опуская нагана, обошёл стол, приблизился к пришельцу. Тот был в нагольном полушубке, в малахае, лицо заросло щетиной. – Вот она – финка твоя. Бандитом стал, Обреев, – произнёс Маркел мрачно, указывая взглядом на нож, который пришелец положил на стол, перед тем как зажечь свечу.

Илья Обреев удивлённо-тревожно всматривался в Неделяева:

– Ты это к чему?

– Я – направленный сюда представитель рабоче-крестьянской милиции, – проговорил тот неторопливо и веско, – председатель сельсовета Пастухов отвёл мне здесь ночлег. А ты открыл замок, проник сюда с ножом – меня спящего резать.

– Да откуда ж я знал, что ты здесь? – вырвалось у ошеломлённого Обреева.

– А зачем сюда с ножом проник? Переночевать? – Маркел коротко рассмеялся. – Скажи в ЧК. Может, и поверят.

– Да я тут...

– Часто ночуешь? – перебил Неделяев с издёвкой. – И потому крючок прибили, чтобы ты его ножом поддевал. – Он сменил тон на резкий и угрюмый: – Я мог в тебя сразу стрельнуть как в тайно проникшего. Нож при тебе, и я был бы полностью прав перед товарищами.

Илья Обреев в усилии доказать, что всё не так, как представляет Маркел, пробормотал:

– Я ни на кого не посягал...

Неделяев сказал сухо:

– Посидишь ночь в погребке, а завтра отправлю тебя в уездную ЧК. Там разберут, как ты относишься к советской власти, чем промышляешь и для чего пробрался с ножом в сельсовет.

Илью пробрало до печёнок страхом от того, что его ждёт.

– Я понял... хочешь показать себя: я бандита поймал! – произнёс он со смиренным укором. – Но имей сердце, – попросил жалобно, – не гони в погреб!

– И мне всю ночь тебя караулить? Была бы верёвка, я бы тебя связал.

– Есть верёвка, за печкой Пастухов спрятал. Можно взять?

Маркел разрешил, и, когда Обреев достал из-за печки и подал ему связку верёвок, спросил, что с ними делал Пастухов.

– Лошади ноги связывали. Он велел сельсоветскую лошадь резать – без мясного не живётся, – пояснил мимоходом, в мыслях о своём, Илья, скидывая полушубок.

Неделяев про себя усмехнулся. По его знаку Обреев расположился на полу на полушубке, который предусмотрительно расстелил поближе к печке. Маркел связал ему руки и ноги, произнёс с задушевной злостью:

– Замечу какую твою попытку, думать не буду – стрельну!

Погасив свечу, прилёг на лавку, револьвер – под носом на табурете. В рассеянной темноте хорошо различим скорчившийся на полу в трёх шагах связанный человек. Он было заговорил о своей невиновности – Неделяев сказал озлобляющимся голосом:

– Давай, давай, чтобы я встал. Но если я встану, то лягу, когда тебя в погреб посажу.

7

Спозаранок придя в сельсовет, Авдей Степанович Пастухов направился в кухню через холодную прихожую, постучал в дверь и, открывая её с пожеланием доброго утра, осёкся. За столом сидели друг против друга Неделеяев и Обреев, у которого за спиной были связаны в локтях руки. Перед ним стояла кружка, в которую Неделеяев опустил сухарь, поднёс ко рту связанного: тот откусил, стал жевать, меж тем как волостной милиционер повернул голову к вошедшему:

– У меня к вам дело, товарищ председатель сельсовета. Нужны запряжка и тулуп. Я свою лошадь под хомут не дам.

Кружка, по-видимому, с кипятком, стояла и перед Маркелом, рядом лежал второй сухарь. На Пастухова от печи наплывало тепло, за чугунной дверцей потрескивали горящие поленья. Дивясь на картину, он спросил милиционера, не сумев скрыть недовольства:

– Далеко ехать хотите? – и тут же нетерпеливо заговорил: – Что тут случилось-то? Надо бы мне знать, расскажите! Тулуп – куда ни шло, а лошадь и телега не стоят наготове...

Неделеяев взял свой сухарь и, погружая его в кружку, принялся есть, не отвечая на вопросы Пастухова, сообщая лишь, что повезёт арестованного на ближнюю железнодорожную станцию, где стоит красноармейское подразделение и имеется ЧК. Авдей Степанович потоптался и, не услышав более ни слова, ушёл, решая, у кого из мужиков потребовать лошадь, у кого – телегу. Зима была в самом начале, снега выпало мало: сани не годились.

Спустя часа полтора из села выехала запряжка. Правил, сидя на передке, Илья Обреев, за его спиной полулежал в телеге Неделеяев в тулупе поверх шинели, в казачьей с коротким серым мехом папахе, держал руку на положенной рядом винтовке.

День был облачный, тихий, с морозцем, колёса звонко дробили ледок мелких лужиц на окаменевшей дороге, которая уходила к горизонту по равнине, бело-серою от тонкого слоя снега, местами чернеющей островами пашни. До железнодорожной станции было двадцать пять вёрст.

Илья обернулся, выдохнул парок:

– Маркел! С охотой меня на смерть везёшь?

– А ты правильно сказал: вроде ты меня везёшь, а везу-то тебя я! – ответил, ёрничая, Неделеяев. – И не надо меня трогать пустыми вопросами. Я знаю дело. Ты – вредный элемент!

– Какие слова-то узнал, да-а... этими словами тебя Москанин купил, – бросил, вновь обернувшись, Обреев. – Образованный человек жевал и тебе в рот клал, что пришёл твой праздник.

– Он и для тебя пришёл, но в тебе души не хватило на перемену жизни, – сказал с презрением Неделеяев.

– Злобы у меня не было на тех, кто не виноват, – Илья предоставил лошади идти шагом и, глядя назад на полулежащего в телеге Маркела, выкрикивал:

– Кто виноват, что отец умер и оставил на мать меня и трёх девок? И что взял меня к себе дядя, который бить не уставал? Я от него убежал к чужим и учился и на плотника, и на шорника, и на кузнеца. Не все хозяева были злы, но только от Данилова я узнал справедливость. Скажи, что я вру и он не платил по договору? не кормил тем, что и сам ел? И этим он заслужил...

– А ну замолкни! – крикнул Неделеяев, с угрозой берясь обеими руками за лежавшую рядом с ним винтовку.

Ему было против души слушать то, чего коснулся Обреев. Не то чтобы Маркел старался забыть март 1918 года. Претило, как может быть вывернуто происшедшее и подсунуто под нос.

Сырой ветреной мартовской порой в Саврухе заговорили, что поблизости объявились красные дружины, которые поступают с жителями как враги, ищут, у кого что можно забрать, и забирают.

Раньше в ходу была мысль, что красные воюют только с казаками. Кто из селян вникал, почему Оренбургское казачье войско во главе с атаманом Дутовым признавало Временное правительство законной властью, а коммунистам, совершившим Октябрьский переворот, не подчинилось? Коммунисты кричали, пели, трубили о революции, а против них был создан Комитет Спасения Родины и Революции.

В Оренбуржье, помимо казаков, русских крестьян и горожан, жили переселенцы с Украины, башкиры, татары, казахи, другие народности, и от каждой, от каждого местного самоуправления вошли представители в Комитет. Как и представители всех партий – от конституционных демократов (кадетов) до эсеров и меньшевиков.

При этом, однако же, многим жителям изобильного края было невдомёк, что спасение Родины и Революции означает спасение, по меньшей мере, уклада жизни, без которого твоё жильё, твоё имущество уже не будет твоим, как прежде.

В то время дом Фёдора Севастьяновича Данилова глядел на обширный двор всеми пятью окнами, жестяная крыша была выкрашена зелёной краской. В хлеву мычал бык, из свинарника доносилось хрюканье.

Около полудня Маркел повыгреб из овчарни помёт, пошёл было в дом, как вдруг во двор въехал всадник в городском пальто, в беличьей шапке, за ним ещё несколько: те в шинелях, за спиной – винтовки. Человек в пальто сошёл с лошади на тающий снег, поглядел на амбар, конюшню, овин, на другие добротные хозяйственные строения, после чего окликнул Маркела, который следил за ним с любопытством:

– Парень! Ты кто?

– Работник.

– Тогда дай пожать тебе руку, – сказал незнакомец без улыбки, неспешно стягивая с правой руки перчатку, стоя на месте.

Конники разъезжали по двору, один поторопил парня:

– Позвали – подойди!

Тот с опаской приблизился к человеку в пальто, который взял его чуть приподнятую руку, крепко пожал.

– Как зовут?

Парень назвал.

– Погляди, Маркел, – человек указал взглядом на конников: – Видишь красные повязки у них на рукавах? Уважай и люби этот цвет. Это знак борьбы за права рабочих и всех бедняков.

Из дома вышел Данилов во всегдашней поношенной поддёвке, направился к незнакомцу лёгким скорым, несмотря на годы, шагом.

– Здравствуйте! – он на миг чуть наклонил голову, не протягивая руки. – По какому делу?

– Покамест посторонитесь! – приказал, мотнув головой вправо, человек в пальто, и Данилов уступил ему дорогу.

Он неторопливо пошёл к крыльцу.

8

Позвав с собой Маркела, он из прихожей зашёл в комнату, чьё окно глядело во двор, и в другую, с окном в огород, затем шагнул в горницу, пройдя которую, побывал в комнатах, расположенных в ряд с ней.

Возвратившись в горницу, пришелец снял беличью шапку, надел на угол спинки стула, пальто бросил на сиденье. Он мог быть лет сорока: среднего роста, гладкие русые волосы скрывают уши и лоб до самых бровей, лицо выбрито. Он стоял в зеленовато-коричневой куртке с большими накладными карманами на груди и на полах: позднее Маркел узнает, что такие куртки зовутся френчами.

– Большое у вас помещение, – ровным голосом сказал пришелец глядевшему на него Данилову. – Я только одну женщину видел. Ваша жена?

Данилов чуть повыше его, тоже бритый, в густых тёмных волосах лишь вблизи разглядишь седые, а ему под шестьдесят.

– Моя жена Софья Ивановна, – сказал он, изучая незнакомца небольшими по-молодому живыми глазами.

– Вдвоём занимаете весь дом, – отметил тот как бы походя, без интереса.

– У нас здесь три дочери выросли – повыходили замуж, – сухо уведомил хозяин.

В комнату входили люди незнакомца с красными повязками на рукавах. Он сказал Данилову:

– Одного работника я знаю, – кивнул на Маркела, – а ещё кто работает на вас?

– Ещё один работник, он сейчас упряжь чинит. И кухарка.

– Пригласите их сюда.

Фёдор Севастьянович вышел, пришелец сел за стол. Его люди поставили винтовки к стене, сняли шинели и тоже уселись. Вместе с командиром за столом сидело шестеро. Вернулся Данилов, за ним вошли Илья Обреев и испуганная девушка: она нанялась недавно, когда старая кухарка умерла от воспаления лёгких.

– Моя фамилия – Москанин, – сообщил Обрееву человек во френче, – для тех, кто со мной служит, я – Лев Павлович. Прошу вас назвать себя.

Илья, весьма заинтересованный тем, что видит, а более – тем, что будет дальше, бодренько назвал себя во множественном числе:

– Мы – Илья Фомич Обреев!

Москанин перевёл взгляд на кухарку, которая стояла замерев, потупившись.

– Уважаемая, в этот дом пришли ваши друзья. Скажите, как вас зовут?

– Мария... – произнесла девушка дрожащим голосом.

Москанин обратился к хозяину:

– Поставьте Марии стул к столу, она будет с нами. – Затем он благосклонно пригласил Маркела и Илью: – Садитесь за стол.

Данилов, уже снявший поддёвку, был в холщовой рубашке, перехваченной синим пояском. Стул для Марии, взяв его за спинку, он поставил к столу непринуждённо, а она, прежде чем сесть, взглянула на хозяина расширенными от несусветной растерянности глазами.

Пришелец объявил Данилову:

– Желательно пообедать! – добавил: – Позовите вашу жену. Она будет обслуживать.

Пятеро красногвардейцев смотрели на хозяина с ехидством и угрожающим ожиданием. Он помолчал, вышел в соседнюю комнату:

– Соня... – с минуту что-то говорил жене, понизив голос.

Он и она прошли через горницу в кухню, он на пороге обернулся:

– Я буду ей помогать.

– Ваше дело, – сказал Москанин.

Через минуту Данилов заглянул в комнату:

– Щей не хватает на всех.

Пришелец с видом терпения произнёс, будто растолковывая непонятливому:

– А вы налейте помаленьку в каждую тарелку. В каждую, – повторив, продолжил невозмутимо: – Хлеба-то, думаю, хватит. Сало, конечно, есть, домашняя колбаса. Несите.

Маркел и Илья, переглянувшись, следили за движениями хозяина, который превратился в слугу. Он был худ и, когда поворачивался сутуловатой спиной, под рубахой выделялись выступающие лопатки. Выглядел он равнодушным, а у Софьи Ивановны, смиренно склонявшей голову в платке, дрожали руки.

Когда стол был накрыт на девятых, хозяева хотели уйти, но Москанин произнёс всё тем же бесстрастно-ровным голосом:

– Пойдите тут – что-то может понадобиться.

Он и его люди начали есть. Маркел покосился на стоявших у двери в прихожую хозяев, тоже взял ложку, хлеб. Илья приступил к еде с нарочито уверенным видом. Девушка-кухарка сидела на стуле недвижно, опустив руки. Москанин сказал ей:

– Мария, ешьте!

Она, не двинув головой, подняла правую руку, поднесла ломоть хлеба ко рту, откусила. Человек во френче, обводя обедающих взглядом, остановил его на сидящих рядом друг с другом двух работниках и кухарке:

– Мы, коммунисты, сделаем так, чтобы ни один человек не унижал другого человека работой на себя, – проговорил с выражением сурового спокойствия. – Мы заставим каждого, кто пользовался чужой жизнью, обслуживать вчерашнюю жертву. Но это только начало, это слишком мелко, чтобы быть главной задачей. Она – в науке, которая сделает невообразимое. Мы заставим природу, самую материю обслуживать человека. Мы создадим силы господства над всей планетой.

Он ложкой черпнул со дна тарелки щи и, перед тем как отправить ложку в рот, положил в него кружок колбасы. Один из красногвардейцев повернул голову к Данилову:

– К салу чесноку не дали! Есть у вас чеснок?

Фёдор Севастьянович отправился за чесноком. Обед заканчивался, когда в сенях стукнула дверь, зачастили шаги в прихожей, в горницу шагнул красногвардеец:

– Лев Павлович, вас ждут!

Москанин неторопливо надел пальто, шапку. Выходя, сказал Данилову:

– Щей должно хватать на всех, для начала нарежьте барана.

9

Двоим в красных нарукавных повязках было велено остаться, они выбрали в овчарне барана-двухлетка, приказали хозяину перерезать ему горло, присматривали, как его свежую хозяйин, Илья и Маркел. Мясо понесли в кухню, тут пришла подруга Софьи Ивановны: торопилась к ней в дом. Илья побежал узнать, что приключилось. Возвратясь, в кухне, при двоих красных, оторопело выговорил:

– Командир убил Башкирцева и Аристархова.

Башкирцев владел большим конским табуном, Аристархов имел лавку, продавал керосин, скобяной и всяческий прочий нужный в селе товар.

– Лев Павлович своё назначение знает! – сказал одобрительно, с улыбкой, красногвардеец.

Фёдор Севастьянович, срезая с мяса плёнку, напряжённо молчал. Маркел встретил его взгляд, подумал, что прочитал мысли хозяина. Его младшая дочь Любовь вышла замуж за односельчанина, молодого офицера из небедной семьи. Офицер в последнее время обретается неизвестно где. Перед появлением красных в селе его отец с семьёй, взяв также Любовь с её ребёнком, покинул Савруху на пяти тяжело гружённых запряжках. Данилов сейчас благодарил Бога за это. Видимо, офицер был замешан в чём-то против новой власти, и его отец имел резон бежать. Угрозы же себе Фёдор Севастьянович не видел: он не помещик, да и в крестьянском сословии Саврухи насчитаешь дюжину хозяев побогаче его. Кого новая власть считает богатыми и как с ними поступает, в селе ещё не ведали. Слухи, которые доходили, уважающие себя мужики называли бабьими сказками.

– Ваш командир сам убивает? – спросил Обреев красногвардейца.

– Берёт на себя. Проверит, что это надо сделать, и хлоп из револьвера! – ответил тот и, нехорошо улыбаясь, добавил: – Вы ещё увидите.

Час спустя возвратился Москанин, со двора прислал в дом своего человека вызвать хозяина. Сидя в седле, указал рукой в перчатке на двух лающих псов, которых Илья, после того как во двор пришли чужие, посадил на короткие цепи возле конур.

– Отпустите животных, – сказал Москанин хозяину.

Псы рвались с цепей, захлёбываясь яростным лаем на чужих, и Данилов, решив, что его провоцируют, молча стоял на месте. Один из красных переглянулся с командиром, подошёл к собакам, несколько раз выстрелил из винтовки в снежную кашу под ними. Те смолкли, красногвардеец замахнулся на них прикладом, после чего расстегнул ошейники, и псы убежали.

– Умные собачки! – похвалил Москанин, спросил хозяина: – Увидели, чего стоит право владения?

– Душевно благодарю, что показали! – произнёс с напускным подобострастием Фёдор Севастьянович.

Москанин заглянул во все дворовые постройки. Когда посмотрел внутрь бани и флигелька под одной крышей с ней, сказал Данилову, как о чём-то обыденном, само собой разумеющемся:

– Вы с женой переселяйтесь сюда. Работа по хозяйству ложится на вас. Маркел и Илья будут помогать, но без ваших приказов.

– Воля ваша! – с ноткой отчаяния произнёс Фёдор Севастьянович. – Но во флигеле Мария живёт.

– Она будет жить в бане, а когда мы будем уходить, перейдёт в одну из комнат в доме, – указал командир.

Вечерело, напористо дул ветер, нёсший мелкие капли дождя. Раскисший снег чавкал под ногами. Обреев и кухарка Мария помогали хозяевам переносить во флигель матрацы, одеяла,

другое самое необходимое. Маркела, который тоже хотел помочь, вернул в дом Москанин, проходя в горницу:

– Тебя опередили. Не стоит за кем-то поспешать. Думаешь, у них жалость к этой паре? Покорность глубоко засела.

Парень стоял как зачарованный перед бесстрастным человеком, который говорил всегда ровным голосом, повелевая с медлительным спокойствием, и сегодня убил двоих людей недосыгаемо высокого положения в селе. Маркел никогда даже не думал представить человека такой власти, а он – вот! и по-доброму обращается к нему, к Маркелу.

10

Стали ужинать. За столом с красногвардейцами и командиром опять сидели Неделяев, Обреев и Мария. Москанин, глядя в их лица, говорил:

– Надо думать об отношении к жизни и смерти. Его надо изменить в себе и изменять его и в других. Хорошо тем, кто умирает без мучений и неожиданно для себя. Богатый, хоть ему не хочется умирать, умирает удобнее, чем бедняк. Постель, покой, доктор облегчает страдания. Не то что бедняга, который всю жизнь трудился и под конец корчится в тёмном углу, а те, кто рядом, проклинают его за стоны и запах.

Произнося это, он с видом основательности ел жареные бараньи мозги: человек лет сорока в зеленовато-коричневом френче, гладкие русые волосы скрывали его уши и лоб до самых бровей.

– Но тот, кто владеет титанической силой разрушения, будет умирать в гордом сознании могущества, – кладя себе на тарелку ломоть солёного арбуза, Лев Павлович обращался к Маркелу и Илье. – Человек перед лицом смерти будет помнить, какую тьму жизнью оборвала сила и сколько оборвёт ещё, когда его не станет. Он будет мысленно видеть её действие. Когда наука даст нам эту силу, наши люди будут умирать в гордости за неё. – И он заключил тоном дружественного снисхождения к тем, кому открывает окрыляющую их истину: – Есть ли что-то иное, что настолько облегчило бы смерть?

Красногвардейцы и Обреев прибирали баранину, с хрустом разгрызая хрящи, Мария как будто обвыкла и не отставала от них, и только Маркел, старавшийся проникнуть умом в то, что слышал, мешкал отправить в рот очередной кусок. Мысленно выговорил впервые услышанное слово «титанической», оно было страшным и завораживающим.

Фёдор Севастьянович и Софья Ивановна прислуживали, Москанин приказал подать самовар, спросил придиричиво:

– Чай наилучший?

Данилов ответил, что они всегда пьют кяхтинский – компании «ЧАЙ В. Высоцкий и К».

– Как известно – поставщики двора его императорского высочества, – словно печально размышляя вслух, произнёс Фёдор Севастьянович.

– Были! – сказал человек во френче. – И батраки пили его?

– Работники, – поправил Данилов. – Да, и они его самый пили.

– Спитой, конечно.

– Нет, та же самая заварка на всех, – сказал Илья Обреев с виноватой улыбкой из-за того, что говорит неуютное.

Фёдор Севастьянович на случай распоряжений стоял с согнутой у живота рукой, через которую было перекинута белое полотенце. В глазах сквозила такая тоска, что его, обычно молодцеватого, было не узнать. Сейчас у него было страдальческое лицо больного старика, подглазья набрякли и потемнели, морщины глубоко врезались в лоб, в щёки. Илья шепнул Маркелу, о чём тот и сам думал: у хозяина сердце разрывается из-за старшей и средней дочерей в Бузулуке. Они вышли замуж за купеческих сыновей. Отец одного много лет покупал у Данилова муку, отец второго – овечьи, козьи, свиные, коровьи шкуры. Вряд ли новая власть обошла стороной хорошие дома.

Москанин, попивая горячий чай, рассказывал:

– Наука в наших руках создаст плот-исполин из металлических частей. Он будет взлетать к небу. Подумайте, какая сила будет его поднимать.

– Пар! – решительно сказал один из красногвардейцев.

– Нет, не пар и даже не электричество, – мягко возразил Лев Павлович. – Сброшенная с вершины глыба летит вниз – из-за силы притяжения земли. Но у всего есть своя противополо-

ложность. И если есть сила, которая тянет глыбу вниз, то, значит, есть и другая сила, которая может потянуть глыбу к небу. Наука откроет эту силу.

Он говорил таким незыблемо спокойным голосом, будто проходя отмечал несомненное.

– На плоту-исполине будут находиться сооружения для учёных, для политических, военных руководителей и их помощников. С него на города противника будут сбрасываться бомбы и баллоны со смертоносным газом. А если понадобится, плот-исполин опустится на город, сокрушит здания, а затем опять взлетит. Внизу останутся мелкие обломки, пыль, сплюснутые трупы.

Красногвардейцы, видимо, привыкли слышать от своего командира о невероятном и вопросов не задавали. Маркел же с радостным ожесточением представлял себя на плоту-исполине, под которым виден город, чьи улицы полны богато одетых господ. Плот опускается на них...

Нарисованное Москаниным вызвало у парня подобие сладостного опьянения. Хмельного он ещё не пробовал, и, главное, откуда ему было знать о «Путешествиях Гулливера» великого Джонатана Свифта, о летающем острове Лапуту.

Старательно прятал глаза от рассказчика Илья Обреев. Москанин с выражением безразличия проговорил:

– От неверия только самому хуже. Плутаешь без дороги, когда можешь по ней ехать на коне. Верить в овладение великими силами, мысленно видеть их действие – значит видеть маяк. Тогда живёшь уверенно и умрёшь в гордости.

11

Рассвело в мартовской с мокрыми хлопьями сильной метели. Но Москанин сел в седло, уехал со своими людьми. Перед вечером группа вернулась, один из красных, подмываемый страстишкой тщеславного вестника, сказал во дворе Обрееву, что ездили в село Боровое и там Лев Павлович застрелил двоих: хозяина постоянного двора и отставного унтер-офицера. Про того и другого донесли, что они поругивали советскую власть.

Москанин сел в горнице за стол, велел Данилову расстелить чистое полотенце и, положив на него револьвер, инструменты, поставив маслёнку, позвал Маркела.

– Офицерский наган с самовзводным курком, – стал объяснять человек во френче. – На тебя, к примеру, летит всадник с пикой или с шашкой, ты выстрелишь из нагана с пятидесяти пяти шагов, пуля попадёт в лошадь – та упадёт.

Парень тут же увидел себя стреляющим во всадника. Москанин меж тем разбирал револьвер.

– Его надо своевременно чистить. Если при выстреле из дула выскакивает пламя, наган не чищен. – Он аккуратно действовал отвёрткой: – Мне его осенью дали новеньким, ещё в смазке, – надо было отбить у юнкеров здание банка.

Маркел жадно слушал, следил за движениями Москанина, как за чем-то небывалым. Тот, наматав паклю на стержень, называемый потиркой, бережно всовывал его в ствол.

– Кроме моей руки, другой он не знал.

Парень приглушённым от почтения голосом спросил:

– Вы воевали?

Человек во френче ответил не сразу, напITYвал тряпочку оружейным маслом.

– Я учился в университете, был на каторге, побывал в эмиграции, – проговорил, протирая резьбу винтов, шарнир бойка. – Я поездил по Европе, по Америке. Я жил в Нью-Йорке, в других городах жесточайшего капитализма, познал их дебри, залитые электрическим светом. Я видел чикагскую бойню: как непрерывным потоком движутся тысячи коров, на них льётся вода, и их убивают электрическим током.

Маркел сидел за столом в неуёмном волнении от того, что ему по-товарищески рассказывал неслыханное поразительный человек.

– На земле живут три сорта людей, – произнёс тот, продолжая заниматься револьвером. – Это мы – солдаты будущего. Наши враги – извечные дельцы. И огромная масса сусликов. Они стараются сделать потеплее свои норки, все их помыслы – корм, его запасы. Счастье мелких грызунов – сидеть в норках, жрать досыта, спать в тепле. Твои бывшие хозяева – наглядный пример. Есть многие победнее их, есть побогаче, но общая суть их всех – мелочность счастья. Одни его уже имеют и над ним трясутся, другие о нём мечтают.

Протирая промасленной тряпочкой части нагана, вырезы и пазы, Москанин просвещал парня:

– Извечные дельцы-капиталисты рвутся к тому, чтобы великие силы, которые открывает наука, приносили наживу. Как можно больше-больше наживы! И если от открытых сил нападёт мор на сусликов, у дельцов не убавится ненасытность.

Начав собирать револьвер, командир произнёс:

– У бесчисленных сусликов только два пути. Учиться у нас коммунизму или, при капитализме, быть массой бессильных, на которых будет отражаться действие сил, приносящих дельцам колоссальную прибыль.

Услышанное навсегда входило в Маркела, он старался его мысленно видеть, как сказал Лев Павлович. Виделись человечки с усатыми мордочками сусликов. И неясные фигуры с оспа-

ленными клыкастыми пастями, как у убитого волка, однажды привезённого в село. А как на самом деле выглядят ненасытные извечные дельцы? Спросить он не смел.

– Самое опасное – если бы у сусликов появились идеи и вожаки, – говоря это, Москанин встал, всунул револьвер в карман брошенного на стул пальто и снова сел за стол. – Однажды стало бы идеей, что мелочное счастье и есть лучшее, что только может быть. Что иметь норку, вдоволь вкусно есть, наслаждаться уютом и стараться делать норку глубже, надёжнее – это высшее благо, и за него надо бороться. Вожак объединяли бы сусликов вокруг этой идеи, и массы, которые пошли за нами учиться коммунизму, стали бы опять обращаться в мелких грызунов. Это было бы страшно.

– Страшно... – в неосознанной тревоге повторил Маркел.

– Идея мелочного счастья доступна и близка каждому, её воплощение у всех перед глазами. А открытие великих сил ещё только впереди, – проговорил с сожалением человек во френче и продолжил тоном, исключая возражения: – Но мы не дадим массе сусликов начать их борьбу. И извечные дельцы тоже не дадут. Она помешала бы им хапать огромные прибыли от сил, открываемых наукой.

Маркел почувствовал нечто вроде враждебности и презрения ко всем тем, кто живёт в домах, подобных этому, в котором он вырос. Мысленно увиделись выбеленные топящиеся печки, накрытые столы, на которых особенно ясно выделялись румяные пироги, представились около стен вместительные сундуки, обитые кожей или жестью. И снова встали перед глазами человечки с усатыми мордочками сусликов.

– Давай я тебя послушаю, – дружески предложил Лев Павлович. – Расскажи свою жизнь.

Парень насупился, ему было неловко говорить, что отец бросил мать и его, что потом и мать оставила его двухлетнего. Но он рассказал об этом и о том, как рос у Даниловых. Москанин, безучастно слушая, что Маркела ни разу не обругали грубо, что он не ходил в рваной одежде и дырявой обуви, отозвался:

– В сильный мороз поросёнка берут в кухню, чтобы потом было кого съесть.

Маркел подумал: вот и объяснение, почему он не чувствовал к хозяевам особой привязанности. Он был влюблён в их младшую дочь Любовь. Страсть к ней, восемнадцатилетней, обуяла его в тринадцать лет. Люба глядела на него с весёлой снисходительностью, позволяла угождать ей: подавать полотенце, когда она умывалась, приносить раннюю редиску с огорода. Иногда она щипала его за нос, а потом трепала по темноволосой голове – он заходился от волнения, жмурился, как кот, которого почёсывают под подбородком. Домашние считали его влюблённость объяснимой и безобидной.

Раз в субботу Люба, придя в горницу из бани, произнесла:

– Кваску бы...

Маркел тотчас принёс ей кружку кваса, и Фёдор Севастьянович, выбритый, здорового вида, в свежестиранной холщовой рубахе, перехваченной синим ремешком, сказал Софье Ивановне, благодушно посмеиваясь:

– Паренёк вырастает, и по ком ему сохнуть, как не по той, кто перед ним? Она ж не уродка.

От известия, что Люба выходит замуж, Маркел убежал в сарай, вжался там в тёмный угол и зарыдал. К сараю осторожно подошёл Фёдор Севастьянович, послушал доносившиеся всхлипы и не стал мешать, ушёл.

Маркел перестал есть, ходил такой горестный, что Софья Ивановна сказала:

– Больно ты влюбчивый. Как ты с таким сердцем жить будешь?

Его посылали в ночное в луга, и там, стреножив лошадей, он падал навзничь в густые одуряюще пахучие травы, смотрел неотрывно на узкий остро блестящий месяц, шептал: «Любочка! Любочка!» Потом обозлился, стал замкнутым. Люба ему ещё долго виделась в объятиях мужа и ожесточала.

Сейчас Москанин, сидя за столом напротив него, царапнул его взглядом, спросил:
– Среди хозяйских дочек уродок не было? Не намечали тебя в мужья?

Маркел растерялся – вспомнил: «Она ж не уродка». Мрачный, помолчал и ответил:

– В мужья не намечали.

Он и командир были одни в горнице, тот произнёс тоном просьбы:

– Не скажешь мне прямо, что хозяин говорил о советской власти?

Неделяев стал добросовестно вспоминать.

– Да почти ничего не говорил, – ответил, напрягая память.

– Почти? – зацепил Москанин.

– Сказал только: новая власть устанавливается по стране, чего только о ней не говорят.

Но какая она для нас, мы, дескать, увидим, когда она у нас установится.

Маркел, ничего более не вспомнив, открыто смотрел в глаза человеку во френче.

– Так. Значит, он увидел... – со значением произнёс тот.

12

Заряжал снегопад, казалось, надолго, но вдруг открывалось солнце, и обильно выпавший снег таял, старые сугробы вдоль заборов словно усыхали. С утра Москанин ездил по Саврухе, где красные стояли почти в каждой избе, смотрел, как из амбаров забирают зерно, грузят мешки на сани, как из хлебов выводят скот. Обозы с коровами, привязанными к задкам возов, с гуртами овец в хвосте, под конной охраной отправлялись на железнодорожную станцию. Сани двигались тяжело по разбитой размокшей дороге, снег шипел под полозьями.

Командир выезжал в ближние деревни, убил там троих владельцев крепких хозяйств. Продолжал интересоваться и жителями Саврухи: застрелил хозяина шорной мастерской розоволицего седоватого, но с чёрными усами Измалкова и ещё двоих справных селян.

Софье Ивановне было велено готовить больше каймака, и вечерами отдыхающий постоялец, сидя за самоваром, пил чай с горячими пышками и каймаком, говорил Маркелу и Илье об овладении средствами всемирного могущества. Наука откроет такое, что издали можно будет в глубине вражеской территории вызывать температуру, от которой воспламятся леса и деревянные строения. Станет возможным вызывать чудовищные смерчи над землёй противника.

Маркел сидел за столом, стараясь сосредоточенно-важным видом скрывать восторг. Илья налегал на пышки, каймак, отправлял в рот кусочки колотого сахара.

Москанин прожил в доме Даниловых больше недели. Было погожее, ясное утро, когда он остался дома. Фёдор Севастьянович и Маркел понесли из кухни в свинарник ведра с тёплым кормом; хозяин, бодрясь, сказал, будто в той прежней, до прихода красных, жизни:

– Солнышко взялось припекать! – кинул взгляд на снеговые наносы у забора: – Сугробы-то как уварились!

Когда вывалили корм в корыта свиньям и вышли из хлева, увидели шедшего к ним из дома Москанина в пальто, в беличьей шапке, но без перчаток. За ним следовали три его человека с винтовками за плечом. Фёдор Севастьянович, видимо, неосознанно попятился, оцепенело встал, его сильные руки повисли вдоль туловища, правая, сжимавшая дужку пустого ведра, дрожала. Маркела тронула рвущаяся тревога, с какой хозяин севшим, словно сорванным голосом спросил Москанина, до которого было ещё шагов семь:

– Что-то надо исполнить?

– Возьмите лопату, – сказал тот с вежливостью.

Хозяин как-то рассеянно, словно преодолевая нахлынувшую неохоту, вернулся в свинарник и вышел, сжимая опущенной рукой черенок лопаты, которая волочилась по слякоти. Командир обернулся к своим, сказал, как о чём-то неприятном:

– Женщина во флигеле? Заприте её там.

Потом опять вежливо обратился к Данилову:

– Идите вон туда, за хлев, – и показал рукой.

Из конюшни выглянул поивший лошадей Илья Обреев, один из красногвардейцев позвал его:

– Эй!

Фёдор Севастьянович, за ним Москанин, Маркел, трое красных и Илья зашли за угол хлева, и командир велел Данилову копать яму шагах в пяти от стены, рядом с кучей навоза.

– За что же это меня? – вперив взгляд в человека в пальто, выдохнул Данилов.

– Копайте. Для вас лучше, чтобы скорее кончилось, – равнодушно сказал тот.

– Но я ничего не совершил! – сдавленно выкрикнул Фёдор Севастьянович.

– Хотите уверить, что вы нас не ненавидите? Ну что вы, в самом деле... Вы бы нам мстили при каждом удобном случае, – отчётливо и спокойно проговорил Москанин. – Имейте мужество признать это.

Данилов опустил голову, разгрёб снег лопатой, с силой всадил её в размокшую землю, потом снял шапку; один из красных сказал:

– Дай! – и взял её.

Под колким солнцем плавился слой снега на крыше хлева, с неё срывались капли взблескивающей завесой. Данилов копал в спешке и с видом упрямства и досады, будто ему мешали. Красногвардейцы свернули самокрутки, закурили. Маркел, пристально глядя на роющего себе могилу хозяина, думал: тот молчалив из страха, как бы из-за него не пострадала Софья Ивановна.

Солнечные лучи прикосались к лицу, на резком свету табачный дым едва замечался. Илья Обреев переступал с ноги на ногу, сплёвывал, по нему было видно, до чего не нравится ему то, что делается. Красногвардеец, который раньше не раз с ним разговаривал, предложил ему табак, клочок газеты, и Илья стал сворачивать сигарку.

Москанин ушёл, обогнув хлев, стала слышна беготня во дворе, хлопали двери надворных построек, долетело:

– Сдела-ам, Лев Палыч!

Когда он возвратился, Данилов с потным лицом, тяжело дыша, лопатой выбрасывал землю из ямы, которая была ему по колено. Командир подошёл к краю, поглядел.

– Довольно.

Фёдор Севастьянович закинул ногу в сапоге на край ямы, опёрся на лопату, поднатужился, но не хватило силы подняться наверх. Илья подскочил, протянул руку, помог и тут же проворно подался прочь.

– Верхнюю одежду надо снять, – сказал Данилову Москанин с какой-то профессиональной мягкостью, словно доктор больному.

Фёдор Севастьянович расстегнул поддёвку, которую тотчас взял красногвардеец, другой велел:

– И пинжак снимай!

Данилов остался в холщовой рубаше, опоясанной синим ремешком, под мышками проступал пот тёмными полукружьями.

– Сапоги снимите, – совсем тихо приказал Москанин.

Фёдор Севастьянович, стоя на одной ноге, согнув в колене вторую, попытался стащить с неё сапог, но не смог и тогда сел прямо в грязь и разулся.

– Бейте! – выдохнул и свесил голову.

– Нет, надо встать! – приказал со спокойной строгостью человек в пальто, держа руку в кармане.

Данилов упёрся рукой в слякотную землю, другую руку вскинул, вытянул и с усилием поднялся на ноги в шерстяных носках.

– Повернитесь спиной!

Он, переступив по грязи, повернулся, руки повисли. Пола рубахи, штаны были в липкой грязи. Москанин вынул из кармана пальто руку с наганом, отработанным движением согнув её в локте и подняв, выстрелил Данилову в затылок. Голова дрогнула, Данилов повалился назад – командир принял его на вскинутое колено и согнутую в локте руку с револьвером, подхватил и другой рукой, с силой толкнул тело снизу, приподнимая, и опрокинул в яму.

Пряча наган в глубокий карман, увидел, что пальто выпачкано грязью: лицо выразило недовольство.

Он посмотрел на троих своих, на Илью и Маркела, сказал:

– Возьмите ещё лопаты, заройте поскорее!

И пошёл распоряжаться подготовкой к отъезду. Давеча его люди, как он велел, отрубили головы последним гусям, отдали Марии ощипывать.

По двору туда-сюда ходили деловитые красногвардейцы, кто запрягал лошадей, кто насыпал зерно в мешки, укладывал на сани. Когда обоз отправили на станцию, на кухне в двух котлах доваривались гуси с лапшой, картошкой, морковью и луком. С Москаниным в горнице собрались десяток его людей, были тут Маркел и Илья. Мария помогла расставить посуду, ушла и где-то спряталась. Каждый до краёв налил себе тарелку густым жирным супом, ели так, что за ушами трещало. Лев Павлович объел гусиную ножку и крыло. Едоки прибрали и три сковороды жареных гусиных яиц, напились молока.

– Товарищи, время! – произнёс командир, и красногвардейцы, вытирая руками рты, повалили из дома.

Он во дворе, стоя около своей лошади, прощался с Маркелом, Ильёй и Марией, которую велел найти и привести.

– Дом принадлежит вам троим! – объявил он. – Живите хорошо, вы работаете на себя.

Затем обратился к Илье Обрееву:

– После сева вам надо вступить в Красную гвардию.

– А как же! Получил – надо и послужить! – тот бодрым голосом, всем видом выразил истовую готовность.

Командир пожал ему руку, перевёл взгляд на Маркела:

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Тебе тоже надо вступить.

Маркел смущённо сказал:

– Я хочу под вашу команду.

– Это у тебя от незрелости – служат не человеку, а идее всемирного могущества! – Москанин сжал руку парня и вдруг вспомнил: – А то, что было сделано с вашим бывшим хозяином, – это мера целесообразности! – он отчётливо повторил трудное слово: – целесообразности!

Вдевая ногу в стремя, на миг обернулся:

– Глади на маяк!

И сев в седло, выехал на улицу, где собрался его отряд, дабы двинуться в ещё не освоенные красными места Оренбуржья.

Новым хозяевам были оставлены зерно на семена и на прокорм, две лошади, корова, пара овец с бараном. Погреб был полон картошки, другого овоща, вдоволь осталось всяких солений, варенья.

13

Солнце сползло низко, став будто больше, но утратив острую яркость. Маркел пошёл было с Ильёй к флигельку, где была заперта Софья Ивановна, но отстал. Обреев открыл дверь – его бывшая хозяйка, услышавшая шаги и поворот ключа в замке, уже стояла у порога, всмотрелась в глаза парня, хотела спросить, но перехватило дух. Он сказал:

– Они сделали...

– Где? где?.. – она выбежала из флигелька и поворачивалась, озирая двор.

Илья движением руки позвал её за собой, направился за хлев. К забору снаружи подходили знакомые, несколько человек были уже во дворе. Софья Ивановна перед засыпанной ямой охнула, схватилась за голову:

– Боже! Боже! Господи-и...

Прибежавшая Мария принесла шубу, вместе с Ильёй надела её на вдову. Та стенала, причитала, пришедшие знакомые селянки и Мария держали её под руки.

– Откопайте! – закричала Софья Ивановна, рыдая: – Надо на кладбище похоронить!

Один из селян в такой же поддёвке, в какой ходил Фёдор Севастьянович, но в новой, понуро сказал:

– А отвечать?

– Да они ж все ушли! – упрекающе бросила нестарая коренастая селянка в пуховом платке.

– Другие ихние придут – наши же им и донесут, – сказал селянин, и его поддержали второй и третий.

– Отро-ойте! – кричала вдова, с плачем закидывала голову. – Ми-и-ленькие! – хватала Илью за предплечья, нашла взглядом Маркела, подалась к нему: – Он тебе вместо отца был!

Она пыталась обнять Неделяева, её слёзы попадали ему на кисти рук. Рыдая, тряся головой и закидываясь, Софья Ивановна повалилась на колени в грязь. Несколько мужиков ушли, но трое остались, взяли лопаты. Илья, сунув лопату в руки Маркела, хлопнув его по плечу, налёг на свою, откапывая убитого. Когда его извлекли из ямы, вдова стала припадать к нему, причитать, со стоном воззвала:

– Несите в дом обмыть!

Неделяев проговорил раздражённо:

– А уж за это спросят с нас непременно. Дом теперь за нами!

Покойника отнесли во флигелёк, уместили на столе, бабы обмыли тело. У Фёдора Севастьяновича как у подлинного хозяина в сарае всегда имелся запас досок. Илья выбрал подходящие, он и двое мужиков сработали гроб, под утро отвезли покойника на кладбище, похоронили. Вернувшаяся во флигелёк вдова плакала и молилась, молилась. Мария приносила ей поесть, но она не глядела на еду дня два.

14

Селяне под надзором приезжего коммуниста поделили землю Данилова, нескучно отмерили Илье, Маркелу, Марии. Парни, не надрываясь, вспахали не всю землю и, сами себе хозяева, управлялись без спешки с севом.

Их наладились навещать разбитные селяночки. Старшую в её тридцать лет называли Санечкой: черноволосая, тельная, она часто, подвыпив, поминала со слезой мужа, которого убили на войне, хотя все знали, что замужем она не была. Три других девушки гораздо моложе её. Лизку и Ленку, приземистых, крепких, на толстоватых немного кривых ногах, Обреев называл репками. «Ха, репки!», «Ишь, репки!» – говоря им, он причмокивал, подмигивал и встречал довольный забористый смешок. Лизка отличалась от Ленки тем, что была курносая и ещё более грудастая.

Совсем иная Варвара, ровесница Маркела: у неё, высокой, тощенькой, груди чуть заметны, тонкие ноги. Все парни на селе ею пренебрегали, хотя она глядела бесстыдно, заливалась чувственным хохотком. С первого же раза, когда с подругами пришла к двоим холостым парням, сядила за стол рядом с Маркелом, приставала к нему с разговорами, заглядывала в глаза, трепала по колену. А он после ранней страсти к Любе держал себя с девушками замкнуто-сердито, до сих пор ни одну не поцеловал и руку Варвары грубо отбрасывал, что, однако, её нисколько не обескураживало. Илья Обреев за этим наблюдал и раз сказал сумрачному Неделяеву, когда девушке пришлось отойти прочь:

– Ты с ней мог бы понять: сухая щепка жарче горит! Не желаешь – я сам её распробую. Ты посмотри, как она ходит вихлянисто!

Илья, что было на редкость непривычно для села, понимал в женских походках. И Маркел невольно стал посматривать, как на тонких длинных ногах задорно ходит, повиливая попкой, Варвара.

В один вечер по обыкновению парни, четыре гости и Мария сытно поели в горнице, Илья, Санечка, Лизка и Ленка, выпившие самогонки, ушли в другую комнату распутничать, а Мария, которая жила с Ильёй, легла в своей комнате плакать. Маркел ещё не почувствовал вкуса к спиртному, противную самогонку не пил. Наевшийся, трезвый, он сидел за столом, допивал из кувшина молоко. Варвара, как всегда сидевшая рядом, встала:

– Ты не слышишь, что за дверью делают? И тебя не пронимает? – она потянула его за рукав: – Я загадала, что сегодня ты мне сломаешь плетень!

Повела его к нему в комнату, постелила постель, потребовала, злясь:

– Ну разденься ты, что ль! Или он у тебя позорный?

Парня это задело, он позволил себя раздеть. Девушка порывисто скинула с себя всё, хватко обняла его, прижалась, они легли, она действовала настырно, поощряя его, и мужественно перенесла грехопадение.

Потом, отдыхая, сказала:

– Я всё думала – взаправду ты ни одну не знал? Взаправду! И для меня хорошо у тебя вышло.

Они стали завершать жарким занятием каждый её приход с подругами, но жениться Неделяев не собирался, изменил ей сперва с Санечкой, потом с Лизкой и Ленкой и, наконец, с Марией. Он отворачивался, когда Варвара, кривя в едкой злобе лицо, бросала ему:

– Тебе, гаду, я нетронутая далась, а они под кем только не были! И сейчас дают тебе после Ильи!

Однажды она вдруг встала из-за стола вместе с подругами, скользнула с ними в комнату к Илье. Рассвирепевший Маркел, один оставшись в горнице, скрипел зубами. Из комнаты выскочила курносая Лизка, прыснула, горя глазами:

– Твоя Варька сама Илью на себя потянула! Слышь, как кровать скрипит? – и кинулась назад.

Он удалился к себе, упал на койку ничком и от злобы аж вспотел. Через четверть часа явилась как ни в чём не бывало Варвара, тонким звенящим голоском зачастила нахально:

– Вот и я к тебе после Ильи! слаще буду! а то нет? тебе ж нравится...

Он поднялся с кровати, освещённый керосиновой лампой, – Варвара увидела его тусклые застывшие глаза и осеклась. Не сказать, что он дюжий, но руки имел тяжёлые, забить тоненькую девчонку до полусмерти мог вполне. Он наотмашь ударил её ладонью по щеке – Варвару так и шибнуло в сторону, ноги как отнялись, коленки стукнули об пол. Она остро-жалобно хныкнула, протянула к нему руки, плачуще прося:

– Подними меня...

– Сама встанешь! – выдавил он в закрутевшей лютости.

Она, роняя слёзы, поднялась, жадно припала к нему, вздрагивала всем худеньким телом, ластилась:

– Скорей стань со мной...

Его подкупили её отчаянно-жалкая покорность ему и желание. Он лёг с ней, и они насладились. После этого он при ней, когда хотел, шупал её подруг, вместе с Ильёй выгонял из них стоны и пот страсти. Варвара в лицо грязно ругала его, в пылу ругани, мотая головой, гримасничала, визжала, топала ногами, но боялась повторить с Ильёй, хотя парилась в бане со всеми.

15

Минула середина мая, иной зорькой проливался пролётный дождь, день распускался облачный, тёплый или солнечный и жаркий, как нынешний. Перед закатом Неделяев, в телеге возвращаясь с поля, въехал во двор. Илья и Мария сегодня окончили сев раньше, топили баню. Баня, рубленая из сосновых брёвен, крыта тёсом; дым из трубы, оседая, лениво расплывался над двором.

Едва Маркел обиходил коня и вышел из конюшни, его окружили Санечка, Лизка, Ленка и Варвара, кроме которой, все выпили самогонки, разгорячённо всхохатывали. Мария прошла мимо в баню: несла охапку заготовленных в прошлом году веников. Из бани выглянул, влажно краснея лицом, Обреев в исподнем:

– Натопил – в ушах звон!

Девахи и Маркел стеснились в предбаннике, торопливо раздевались, парня поталкивали возбуждённо, поглаживали, задиристо щипали. В бане уже голый Илья лежал ничком на лавке, нагая Мария намывивала ему спину. Белотелая гладкая Санечка, играя сдобным задом, отстранила Марию, со сдавленным страстным смехом вскрикнула:

– У-ууу, жа-ар! – и запустила пятерни Илье в густые волосы.

Блуд затеялся жарче жара, девки по очереди наседали на парней, в перерывах тёрли их мочалками из лубяного слоя коры молодой липы, новыми, скребучими, поили квасом. Окатывая себя и любовников водой, расслабленно-сладко вздыхали.

Варвара, которую Маркел сейчас не трогал, занятый то с одной, то с другой её подругой, исходила страданием.

16

Горницу освещала висевшая над столом двадцатилинейная керосиновая лампа под плоским жестяным абажуром, выпущенный полностью фитиль горел ярко-жёлто. Илья Обреев, после бани надев светло-серую косоворотку, сидел в удовольствии хозяйского положения – широкогрудый, недурной лицом, он лучился отменным здоровьем. Справа от него сидела тельная черноволосая истомно-улыбчивая Санечка, слева от Ильи устроились Лизка и Мария.

Напротив Обреева занимал место Маркел с Ленкой слева и с Варварой справа. Парень не из красавцев, малоподвижное с мясистым носом лицо, жёсткие волосы, слишком толстая в сравнении с торсом шея. Насупленным видом он старался скрыть, как ему нравится его теперешняя жизнь – к примеру, то, что на нём новая ситцевая, из хозяйских, сиреневая рубаха.

К этому времени баран и овца, которых оставил Москанин парням и Марии, были зарезаны, спроважены в дальний путь, одинокую овечку пока приберегали и потому сейчас ели варёную картошку со сливочным маслом, ржаной хлеб и разные соленья. Санечка тронула пальцем стоявший перед Ильёй стаканчик, налитый до половины самогонкой:

– Не тяни – выпей! Или не хороша самогоночка? Я когда плохое приносила?

Илья, жуя картошку, откусил кусочек тугого солёного груздя, сказал:

– Я не пью, как пьяница.

– Конечно, нет, и я тоже не такая, – она выпила свои полстаканчика, и под её крепкими зубами захрустела квашеная капуста. Искоса глядя на Обреева затуманившимися глазами, Санечка произнесла: – Почему ночь невозможно короткая?

Он сказал с усмешкой:

– Станешь пьяная – я не буду с тобой.

– А чего?

– А то, что с отупелой неинтересно! Я уж тебе говорил!

Санечка в обиде воскликнула:

– А если меня горе ест? Не убили б моего любимого муженька, я бы... – оборвала она на высокой ноте, и Варвара со своего места ввернула:

– Не убили бы, которого не было, то ты б сюда не ходила?

– Ой ли! – прыснула Ленка, блеснув белыми зубами.

За Санечку вступилась Лизка:

– Она плохого никому не сказала, зачем её шпынять? – при этом толкнула плечом Илью, словно призывая вмешаться.

Он повернул к ней голову:

– Репка! – и причмокнул.

Она, млея глазами, улыбнулась ему, на круглых, с румянцем, щеках заметнее обозначились ямочки.

Маркел постарался напустить на себя высокомерие, проговорил:

– Глупый какой-то разговор.

Обреев с весёлым одобрением кивнул ему, произнёс, как тост:

– Пусть кто скажет умное!

Отозвалась неугомонная Варвара:

– Нынче день Мокей... – начала она, имея в виду, что сегодня двадцать четвёртого мая – день Святого Мокия.

– Если на Мокея утром туман, всё лето будет мокрое – дожди! – подхватила Лизка.

– Утром не было тумана! – заявила Ленка и звучно откусила от солёного огурца.

Варвара настырно, скандальным голосом, сказала то, что ей помешали сказать:

– Давеча вы все побегли в баню на блядство и не видели, какое солнце заходило! О-ой, багровое! – она, зло волнуясь, царапнула ногтями клеёнку, произнесла торжествуя, словно желая всем несчастья: – Если солнце такое на Мокея, лето будет – пожар за пожаром!

– Это на завалинке старухам говорить, – с презрением произнёс Маркел, усилился придать себе важный вид и продолжил: – Пожары будут, каких ещё не бывало, но только когда наука откроет великие силы. Эти пожары будем мы насыщать!

Ленка, жуя, спросила насмешливо:

– Ты и Илья, что ль?

Маркел доел картофелину, взял другую, нанёс на неё кончиком ножа шмасток масла.

– Мы – это солдаты будущего! – хотел он произнести гордо, но вышло чересчур громко, беспокойно, будто он ждал, что его сейчас осмеют.

Илья опять весело кивнул, скользнул взглядом по лицам девушек, выражавшим умственное затруднение, и сообщил, как бы восхищённо приподнимая тёмные брови:

– Он о тех, с кем будет взлетать к небу на военном корабле и по низам всё сжигать!

– Не на корабле, а на плоту из брони! – опроверг Неделяев, проговорил мечтательно: – Пожары – от одной силы, плот – от другой. Мы будем на нём на вражьи дома опускаться и крошить их!

– В пыль всех врагов! – воскликнул Обреев, выказывая восторг.

Маркел почувствовал насмешку, его некрасивое лицо налилось тяжёлым озлоблением:

– А плохо тебе не будет, что ты не веришь? Повезло попасть на хорошую дорогу – да собьёшься!

– Говори, говори не свои слова, – обронил уже без смеха Обреев.

– А они неправильные – эти слова? – запальчиво вскинулся Маркел.

Илья стал есть торопливее и, словно весьма занятый едой, бросил мимоходом:

– Да нет, слова правильные.

Девушки молчали, запутавшись. Они сначала решили, что парни затеяли поморочить им головы, но горячность, с какой Маркел обвинял неизвестно в чём Илью, была явно неподдельной. При этом Илья, не медливший в стычке дать по мусалам кому надо, сейчас словно оробел перед пареньком Неделяевым. Тот, обнаглев, будто в некоем непонятном праве на это, наседавал:

– Ага, соглашаешься! Хочешь видеть маяк?

– Я не отказываюсь.

– Веришь, что его увидишь?

– Может, да, а, может, нет, – сказал с набитым ртом Илья. – Не все такие счастливые, как ты.

Маркел засомневался, с насмешкой или нет произнесены последние слова? Он раздумывал, и тут Санечка, заскучав, повернула к Илье голову, отчего на белой жирной шее сделалась складочка, и произнесла:

– Не хватает радостного!

Налив себе в стаканчик самогонки на глоток, выпила, обсосала пупырчатый солёный огурчик, в томлении зажмурилась:

– Идёмте за делом!

Обреев поднялся из-за стола, девахи вскочили, Лизка, поглаживая себя ладонями по ляжкам, позвала Маркела:

– Давай иди с нами!

Ему сегодня хотелось повысказывать мысли, что не годилось среди голых девушек, у которых свои забота и помыслы. Он ничего не ответил Лизке и, в то время как Илья и три девушки устремились в одну комнату, а Мария пошла в свою, подался за Варварой к себе. Едва переступил порог, подруга разнагишалась; его потянуло поспешить. Кровать принялась скри-

петь, испытываемая на прочность жестокой гонкой к мигу сверхнакала. Потом в нахлынувшей лени он вытянулся на боку, толкнул подругу коленом в бедро и лёг навзничь.

– В селе живут суслики и везде – суслики, – проговорил, будто возвращаясь к раздумью, от которого его оторвали.

Варвара наострилась. Считая, что он намеренно говорит непонятное, она, дабы не показаться душой, высказала как о совершенно для неё ясном:

– А то нет!

Он понял её уловку, издал смешок.

– Вот твои родители всю жизнь стараются припасти побольше, а что у них есть, кроме тебя и твоих младших? сколько их – трое, четверо? – лениво и пренебрежительно проговорил Маркел. – А я ни для чего не старался! – продолжил он самовлюблённо. – А уже имею полдома и какого! Хотя он на троих, но Мария – какая владелица? Ну, кормится при нас, зато и помощь от неё. Во флигельке Софья Ивановна живёт: тише воды, ниже травы. Хочет поститься, молиться – и пусть. Нам не помеха.

Варвара повернулась к нему, положила руку ему на грудь, занесла колено на его ляжку – он спросил, уязвляя:

– Ты хоть когда спала на льняной простыне? А у меня вот спишь!

– Досталось тебе счастье ни за что, – сказала с завистью Варвара.

– Это почему – ни за что? – зацепил он и гордо произнёс: – Мне дано за то, что я не жил сусликом! Я живу, чтобы быть при открытии великих сил, от которых пыхнут пожары! какие пожа-а-ары... – протянул он мечтательно.

Подруга прижалась к нему теснее, сказала с прорвавшейся страстностью:

– Я люблю, как ты о себе и обо всём понимаешь! Я тоже на всех злая!

17

Три дня спустя Илья Обреев покатил на станцию за солью, которую раньше покупали в селе в лавке покойного ныне Аристархова. Вечером Маркел, приехав с поля с Марией, которая сегодня с ним сеяла пшеницу, поил у колодца коня, когда вернулся Обреев, соскочил с передка подводы, подошёл.

– На станции все про новость говорят, – сказал, уперев руки в бока. – Чехи и словаки, наши пленные из австрийской армии, взбунтовались в Челябинске! И в других местах.

Неделяев, насторожённый довольным видом Ильи, смотрел выжидательно.

– Совет в Челябинске разгромили, красные из города убежали, – добавил подробность Обреев.

– Так прямо кто видел, что убежали! – озлился Маркел. – Сколько их – чехов этих?

– Говорят, что целая армия и при полном оружии! – уверенно произнёс Илья. – Теперь все, кто красных не любит, подымутся. На станции люди так и говорят.

Со следующего дня мужики в Саврухе стали на улице сбиваться в группки, куря самосад из самокруток, приглушённо обсуждая слухи о восстании чехословаков. Устоялась жара, за проезжающими телегами повисала пыль, в недвижимом накалённом воздухе будто слышалось возбуждённое ожидание.

Лето начиналось тёплыми ночами с обильной росой по утрам, в лесу на елях замечалось необычное множество шишек, что, по поверью, сулило богатый урожай огурцов, закуковала кукушка. В день, когда поналетели в изобилии слепни, а в огородах хозяйки сажали капусту, через соседнее село резво проследовало соединение красных. Приезжавшие из села мужики сказали:

– Коммунисты бегут!

На исходе ночи из Саврухи уехали присланный при Москанине коммунист и несколько местных бедняков, ставших его ретивыми подручными. Увозили на подводах и ломовых дрогах горы добра, которое понабрали в домах Башкирцева, Аристархова, Измалкова и двоих других убитых хозяев. Табун Башкирцева реквизирует ещё Москанин, но родне застреленного удалось укрыть у знакомых с десятком коней. Уезжавшие про это вызнали, были они вооружены и коней угнали.

Лето входило в силу, заколосилась рожь. С рассветом Илья, Маркел и Мария выезжали в поле выпалывать сорняки, особенно буйно росли осот, пырей и лебеда, чьё засилье, как считалось, предвещало щедрый приплод гусей.

Сегодня разошёлся южный ветер, гнал частые облачка, от которых по полю бежали тени, обдавал лица тугими порывами. Парни и Мария вернулись домой часа в два пополудни, Илья взялся починять крышку погреба, Маркел присел возле телеги, смазывая дёгтем шейки осей. И тут по улице тихого села понесли галопом всадники, привставали на стременах, глядели во дворы. На дальней околице развернулись, промчались назад.

– Кажись, разведка, – сказал Обреев и посетовал: – Надо было овцу вчера, а лучше – позавчера резать. Теперь они зарежут.

Позвал Маркела:

– Перетащим мешка два картошки и ещё чего-нибудь в кухню – не надо, чтобы они сами в погреб лезли.

Улицу заполнили всадники, ехавшие шагом. Парни спустились в погреб, а когда подняли мешки, мимо двора шестёрки коней провозили пушки. Неделяев загляделся: в шестёрках две передние лошади запряжены цугом, на них едут верховые; позади в каждой паре на одной из лошадей тоже сидит верховой. Пушек проехало три, грозными они не выглядели.

Проходили солдаты – Маркел удивился, увидев пареньков моложе себя, усталых, деловито-серьёзных. Илья сказал ему:

– Мордашки не деревенские, сразу отличишь!

Обгоняя пеших, рысил верховой, повернул коня в ворота. Гость спешился, поправил фуражку и объявил парням:

– Я – квартирьер!

Ему не больше восемнадцати. То, как непринуждённо отчётливо он произнёс «квартирьер», невольно восхитило Маркела. Он слышал трудное красивое слово впервые.

– Прошу показать жильё! – без запинки произнёс солдат то, чему его, видимо, учили.

Обреев взбежал на крыльцо, распахнул перед ним дверь в сени, шагнул следом, позади шёл Неделяев. Квартирьер оглядел комнаты, кухню, где сказал возившейся с утварью Марии «здравствуйте!» Затем достал из кармана кителя свёрнутую тетрадку, сделал в ней запись карандашом, чётко сказал Обрееву:

– У вас поселятся штабс-капитан с ординарцем, писарь и фельдшер.

Быстро вышел, сел на лошадь и ускакал – человек, ценящий возложенные на него хлопоты.

Илья и Маркел перенесли свои постели в кухню, рассудив, что Мария может остаться в комнате с окном в огород: четверым постояльцам места в доме хватит.

Из кухни увидели во дворе военного, который только что сошёл с гнедого коня, две двуколки и въезжающую подводку. На первой двуколке лежали баул, вещевого мешок и две винтовки, вторая двуколка имела парусиновый верх. Правивший первой двуколкой солдат соскочил наземь.

Обреев заспешил из дома к приехавшим, Неделяев шёл за ним. Военный возле коня передал повод солдату, поглядел на подходивших. На нём был мундир без погон, но не вызывало сомнений, что это офицер. В его лице была если не властность, то уверенность в себе, как у молодого учителя, который старается её показать ученикам.

– Отец где? – спросил он Илью, приняв его за хозяйского сына.

Илья, поняв, ответил с улыбкой:

– Нет отца, мы тут заместо хозяев.

Офицер не стал расспрашивать, сказал:

– Нужен овёс лошадям, мы заплатим.

Обреев и Маркел пошли в сарай отмерять овёс. Солдат, приехавший на двуколке с парусиновым верхом, и ещё один, который сидел на подводке, стали распрягать лошадей.

18

Около колодца солдат лил из ведра воду на руки офицеру, который разделся до пояса и держал кусок мыла. Офицер намылил торс, шею, лицо, омылся с помощью солдата, тот в заключение окатил его водой и, подав полотенце, доложил:

- Еда готовится.
- Хорошо, – офицер направился в дом.

Маркел, который собрался набрать из колодца воды для кухни и стоял поодаль с вёдрами, приблизился к солдату:

- Мне надо его спросить... как его назвать: «ваше благородие» или «высокоблагородие»?
- У нас любому начальству говорят одинаково «господин». Хоть ты генерал будь, тебе скажут «господин генерал»! – услышал Неделяев.

Солдату было лет двадцать пять, он смотрел на парня умными с хитринкой глазами.

- Обратись «господин штабс-капитан». Что спросить хочешь?

Неделяев помялся, объяснил:

- Если заплатят, мы можем овцу зарезать. Или вы её так заберёте?
- Это пусть он тебе скажет.

Маркел отнёс вёдра с водой в кухню, постучал в дверь горницы, услышал «да!» У стола сидели тот, кто прикатил на двуколке с парусиновым верхом, это был фельдшер, и второй, который приехал на подводе: писарь. Фельдшер, мужчина лет тридцати пяти, перебирал одной рукой лежавшие перед ним на столе порошки, видимо, считая их, другая рука с карандашом прижимала к столу листок бумаги.

Писарь был не старше двадцати, он держал перед собой развёрнутую газету; это он сказал «да!» Маркел прочитал название газеты «Слово народа».

- У тебя дело? – спросил писарь.

Глядел на вошедшего и фельдшер, у него было выражение человека невесёлого, вынужденного постоянно утешать.

– Мне надо спросить господина штабс-капитана! – подтянувшись, произнёс Неделяев твёрдо и независимо, как мог.

Говорить об овце он не собирался. После того внимания, каким его оделял Москанин, он желал любому обладателю власти задавать вопросы о человечестве.

- Он занят, – писарь бросил взгляд на закрытую дверь в комнату. – Говори нам!

Неделяев едва не повторил, что ему надо увидеть штабс-капитана, – не решился и степенно проговорил:

- Узнать бы вашу идею...
- Книжки читаешь? – живо спросил молодой человек, складывая газету и кладя её на стол.
- Раньше читал, пока скучно не стало, – сказал Маркел с ноткой пренебрежения к прочитанному.

Фельдшер повернулся к нему на стуле:

- И что же ты читал?
- Басни графа Льва Толстого – про волка и журавля, волка и козу, волка и кобылу... – ответил Маркел с пресным видом и требовательно обратился к молодому: – Вы зачем войну ведёте?

Тот принял строгое выражение и охотно заговорил:

– Народ избрал своих представителей в Учредительное Собрание. Оно должно было учредить законы нашей жизни в государстве. Но большевики разогнали Учредительное Собрание. Мы воюем за то, чтобы оно опять собралось. – Молодой человек не без гордости произнёс: – Наша часть – вся из добровольцев и зовётся «Отряд защиты Учредительного Собрания»!

– А как вам старый режим, царь? – спросил Неделяев.

– По старому режиму плачет лишь кучка монархистов! – наставительно произнёс доброволец. – А я – социалист-революционер: эсер! – отчеканил он последнее слово. – Иван Валерьянович, – он указал взглядом на фельдшера, – тоже эсер. И штабс-капитан Тавлеев – тоже. У нас в отряде немало эсеров. Мы за демократическую республику! Это значит – за такую, в которой народ свободно избирает власть. А большевики топчут демократию! – он пальцем коснулся газеты. – Вот здесь описано, сколько невинных они убили без всякого суда.

Фельдшер сказал писарю, искоса глянув на Маркела:

– Они тут были, он должен бы про них понять...

Парень стоял молча; в горницу вошёл из комнаты штабс-капитан со словами:

– Я услышал разговор о политике!

Несмотря на военную форму – неновую, как сейчас заметил Маркел, – офицер выглядел опрятным домоседом.

– Ты хочешь разобраться, за что идёт война. Сядь и будь внимателен, – сказал он Маркелу.

Тот сел на стул, который был подальше от стола, спросил:

– Вам ведь помогло, что чехи взбунтовались. Чего им надо?

Офицер встал перед ним:

– Они хотят воевать с Германией, и был сформирован их корпус. Они в поездах двигались через Сибирь к Тихому океану, чтобы уплыть в Европу и там воевать. Большевики захотели их разоружить, и тогда чехословаки объявили войну большевикам.

– Среди чехов много демократов, – вставил писарь.

Офицер, наблюдая за нелюдимым лицом Неделяева, спросил:

– Ты в школе учился? знаешь, что такое проценты? На выборах в Учредительное Собрание за эсеров было подано сорок процентов голосов, а за большевиков – только двадцать четыре процента. На шестнадцать процентов меньше! Это полное поражение. Тогда большевики разогнали Собрание, а мирные демонстрации в его поддержку стали расстреливать.

Из прихожей постучали в дверь: солдат, который у колодца окатил водой офицера, внёс чугунок с гречневой кашей, Мария на блюде внесла вчерашний пирог с кислой, из нескончаемых хозяйских запасов, капустой. Штабс-капитан сказал солдату:

– Спасибо, Михаил!

– Ещё каймак и простоквашу принесу, – ответил тот.

Офицер пригласил Маркела:

– Садись с нами.

Маркел, которого за стол с собой сажал Москанин, не зашёлся благодарностью. Нутро противилось тому, что говорят плохое о большевиках, а, значит, о Москанине. Он пробормотал:

– Я в кухне поем, – и ушёл.

19

Маркел сидел в кухне на лавке, Илья стоял, наклонившись над припасами, принесёнными из погреба, покуривал сигарку с самосадам. Мария пристроилась у края стола, ела кисель с хлебом.

– Топлёного сала у нас ещё хватает, – сказал Илья.

Солёного сала, копчёных окороков красные не оставили, как и домашней колбасы.

– Чего мне наговорили про Учредительное Собрание... – сказал Неделяев, думавший о своём.

– Ругали, что ль? – спросил Илья.

– Ругали большевиков, что они убивали тех, кто за это самое собрание, – сказал Маркел насмешливо.

– А что? Убивать они умеют, – заметил Илья.

Маркел так и вскинулся:

– Они убивали за идею! И не всех!

– Может, у них идея – убивать не всех сразу, – произнёс Илья с невинным видом.

«Над кем, гад, насмехаешься!» – подумал Маркел, говоря с напором:

– Что у тебя было и кто тебе дал землю и всё?! – он крутнул головой, обведя кухню взглядом и уставив его в окно во двор. – Чего ещё хочешь?

– Чтобы Мария на завтра сварила гороховый суп с топлёным нутряным салом, – ответил Обреев, подмигнув девушке.

Из горницы вернулся солдат, которого офицер назвал Михаилом, сказал, не обращаясь прямо к Марии, тоном рассуждения:

– Надо бы воды нагреть, постирать штабс-капитану бельё.

Девушка допила кисель и, дожёвывая хлеб, взяла ведро воды – налить в котёл на печке.

– Нравится денщиком быть? – спросил Михаила Маркел.

– У нас не денщики, а ординарцы! – произнёс Михаил со значением.

– Слово другое, а тот же слуга, – подковырнул Маркел. – Ты по своей воле пошёл?

– По своей.

Обреев, с любопытством глядевший на солдата, спросил:

– Ты ведь сельский?

Тот ответил с наигранным простодушием:

– Я? Я из деревни.

– Наверно, не бедняк, – заметил как бы вскользь Маркел.

Михаил, чувствуя за расспросами серьёзный интерес, сел за стол.

– Мы жили: отец, мать, я с женой и мальчонкой и мой младший брат холостой, девятнадцатый год ему, – начал он обстоятельно. – У нас в хозяйстве – конь и кобыла с сосунком, две коровы были, поросёнок, овцы. Красные корову увели, поросёнка, овец съели, зерна оставили лишь на посев. И что мы поняли? – произнёс он многозначительно. – Что разбойник, что волк: унёс поживу, да не всю – снова придёт.

– Тебя послушать, так и натерпелись же вы от разбойников и волков! – сказал Маркел.

Михаил внимательно поглядел на него, чуть усмехнулся:

– Вот и отбиваемся. – Он раздумывал и, как бы кивнув своим мыслям, продолжил: – В апреле, когда о чехах и не слышали, были партизанские отряды. Встали на защиту Учредительного Собрания. Вот этот, где я теперь, ударил по красным в нашей деревне, и те убежали. Штабс-капитан велел созвать на площадь всех жителей – и говорил! Дал полное понимание.

Михаил произнёс с задушевной ноткой:

– Он, Тавлеев, сам из деревни, сын мельника. С юности жил в городе, учился много, давно состоит в партии эсеров. Представишь, говорит, крестьянина, сразу представишь и землю. Как кто относится к крестьянину, так же относится и к земле. А на ней не только деревня, и город живёт – не на облаке.

– Кто ж этого не знает, – сказал Илья, севший за стол рядом с Михаилом, – интересно, что из того следует?

– Обижаешь крестьянина – всю землю обижаешь! – произнёс Михаил тоном старика, и его лежащая на столе рука сжалась в кулак.

– Меж кем война идёт... одни за то, чтобы землю не обижать, обиходить, другие – чтоб под облака взлетать и всё на земле рушить-давить, – покосившись на Маркела, проговорил Илья.

– Аэропланы, цеппелины... – решив, что парень их имеет в виду, сказал Михаил. – Они на фронте от врага, и против них есть оружие и укрытия. А от людей своей страны в окопах не спрячешься. Думаете, я воевать люблю? Я за три года на германском фронте вот так нахлебался! – он провёл рукой по горлу. – Но тут надо идти. Если красных не разбить, то так и жить в голодухе, и в любой час к тебе придут отнимать.

– И много из вашей деревни добровольцев? – спросил Маркел.

– Мало! – ответил с досадой солдат. – Остальные струсили, забитость у них от темноты.

Он повёл головой, будто шею ему теснил ворот, пояснил:

– Я и брат не записались при всех. Мы уйдём, красные придут – наши же деревенские им донесут, и будет нашим родителям месть. – Он кивнул, как бы в подтверждение несомненного, договорил: – Как отряд ушёл, мы с братом обождали два дня, ночью запрягли коня в телегу и вдогонку. Отнесли к нам вежливо, брата определили в разведку. Повоевали, а тут по стране пошёл подъём против красных – и мы уж не партизаны, а регулярная часть.

– Я думаю про вашего офицера, который эсер. Если он так хорошо говорил, почему у вас в деревне так мало с ним пошло? – злобно посмеиваясь глазами, сказал Маркел.

Михаилу страстно захотелось посадить подковыристого паренька в лужу, он встал с табуретки:

– Я сейчас штабс-капитану молоко понесу, он после еды его пьёт, и попрошу тебе высказать. Увидишь, какой он свой крестьянский человек!

20

Штабс-капитан Тавлеев сидел боком к столу, опираясь на него локтем, держа в руке кружку с молоком. Маркел и Илья, которого офицер тоже позвал, сидели перед ним на поставленных рядом стульях. Позади офицера у торца стола расположился писарь, положивший перед собой стопку газет. Михаил только что убрал со стола посуду, фельдшер ушёл из дома навестить больных солдат.

– Вы знаете, – обращался штабс-капитан к парням, – почему Временное правительство называлось временным? Потому что оно взяло власть только на время до того, как станет действовать Учредительное Собрание. Оно, Учредительное Собрание, должно было образовать формы государства, законное постоянное правительство.

«Законное, потому что за ваше собрание – большинство народа? Так большинство – суслики!» – подумал Маркел.

Штабс-капитан рассказал, что Временное правительство назначило выборы в Учредительное Собрание на 12 ноября, а его созыв на 28 ноября 1917 года. Положение о выборах было самым демократичным, революционным в мире. Голосовать могли лица, начиная с двадцатилетнего возраста, в то время как в Великобритании, Франции, Италии, США это право тогда получали в двадцать один год, а в Германии, Нидерландах, Бельгии, Испании – в двадцать пять лет. Избирательные права в России были предоставлены женщинам и – впервые в мире – военным служащим. Все избиратели были равны независимо от того, каким имуществом они обладали, как долго жили в месте голосования, какой веры держались или были неверующими, к какой народности принадлежали, знали грамоту или нет.

– Выборы в Учредительное Собрание были всеобщими, равными, прямыми при тайном голосовании, – произнёс штабс-капитан, кружка с молоком ему мешала, он поставил её на стол.

Он рассказал о том, как 25 октября большевики в Петрограде совершили переворот и поначалу объявили, что берут власть лишь до созыва Учредительного Собрания. Они подтвердили дату выборов 12 ноября и дату созыва 28 ноября. Выборы проходили при власти большевиков, которые, разумеется, влияли, как могли, на их проведение. И всё равно результаты для большевиков, повторил штабс-капитан Тавлеев, оказались неутешительными.

Писарь протянул ему хранимую с зимы газету, и он назвал точные цифры: за большевиков отдали голоса 24 процента избирателей, за эсеров 40,4 процента, 4,7 процента проголосовали за кадетов, 2,6 процента за меньшевиков, голоса остальных избирателей оказались отданными, как было напечатано в газете, «за националистические мелко-буржуазные и буржуазные партии и различные мелкие группы».

Чтобы выиграть время для закрепления своей власти, большевики перенесли созыв Учредительного Собрания на 5 января 1918 года. Оно открылось в этот день в Таврическом дворце в Петрограде, председателем был избран видный социалист-революционер Виктор Михайлович Чернов. Собрание провозгласило Россию демократической республикой, отменило помещичье землевладение, призвало к заключению мира со странами – противниками в мировой войне.

Формировать правительство должна была партия, которая победила, и тогда по приказу Ленина начальник охраны дворца матрос Железняков заявил председателю Чернову: «Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседаний, потому что караул устал».

До этого к дворцу двинулись колоннами десятки тысяч мирных демонстрантов с плакатами «ВСЯ ВЛАСТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ». Тавлеев прочитал вслух напечатанное в газете «Дело Народа» от 7 января 1918 года:

«Без предупреждения красногвардейцы открыли частый огонь. Процессия полегла. Стрельба продолжалась по лежащим. Первым был убит разрывной пулей, разнесшей ему весь череп, солдат, член Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов 1-го созыва и член главного земельного комитета тов. Логвинов. В это время началась перекрестная стрельба пачками с разных улиц. Литейный проспект от угла Фурштадтской до угла Пантелеймоновской наполнился дымом. Стреляли разрывными пулями в упор...»

Писарь дал штабс-капитану другую газету, это был номер «Новой жизни», вышедший 9 января 1918 года, в тринадцатую годовщину Кровавого воскресенья. Тавлеев пояснил Маркелу и Илье, что газету издавал пролетарский писатель Алексей Максимович Горький, и вот что он написал о расстреле в статье «Несвоевременные мысли». Штабс-капитан стал читать:

«5 января 1918 года безоружная петроградская демократия – рабочие, служащие – мирно манифестировала в честь Учредительного Собрания.

Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного Собрания, – политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, и в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой идеи пролиты реки крови – и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи».

Тавлеев сказал, что главная газета большевиков зовётся «Правда» и прочитал, что о ней написал Горький:

«Правда» лжет, когда она пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т. д., и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи». «Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской социал-демократической партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта».

Штабс-капитан зачитал ещё несколько строк из статьи Горького:

Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы».

Тавлеев, зачитывая строки из другой газеты, рассказал ещё Маркелу и Илье, как в ночь с 6 на 7 января в Мариинской больнице в Петрограде были убиты депутаты Учредительного Собрания Андрей Иванович Шингарёв и Фёдор Фёдорович Кокошкин. Ранее большевики заточили их в Петропавловскую крепость, два немолодых человека просидели в холодных камерах больше месяца, и их, больных, перевели в больницу. Начальник охраны потом говорил, что его руководство советовало ему не возиться с заключёнными, а «просто сбросить их в Неву». Когда он всё же доставил их в больницу, руководство было возмущено тем, что он «не мог расправиться с ними». Ему было велено отправиться в ближайший флотский экипаж и позвать готовых на убийство.

Охотно откликнулись около тридцати матросов флотских экипажей «Ярославец» и «Чайка». Ночью они явились к больнице, одни из них заняли посты на соседних улицах, чтобы никто не помешал расправе, остальные вошли в здание. Караул указал им палаты, и расправа произошла. В Шингарёва выстрелили из револьвера и всадили штык. Кокошкина убили выстрелами в рот и в сердце.

– Большевицкая власть покрыла убийц, осталось якобы неизвестным, кто они, – подытожил штабс-капитан, затем сказал, что 9 января демонстрацию в защиту Учредительного Собрания расстреляли в Москве. Газета «Известия ВЦИК» от 11 января 1918 года сообщила, что были убиты более пятидесяти человек и более двухсот ранены.

Он смотрел в лица Неделеяву и Обрееву: как они отнеслись ко всему, что услышали?

Обреев произнёс искренне:

– Сколько жестокостей! – однако продолжать не стал.

Неделяев молчал, и офицер проговорил:

– Ты как будто такой любознательный... узнал, что хотел?

– Узнал, почему вы, ваши все возмутились.

– А как можно было не возмутиться? – спросил напористо писарь.

Маркел хотел сказать, думая о большевиках: «Так и у тех, конечно, было чем возмутиться», но поостерёгся и произнёс:

– Понятное дело...

– Что тебе понятно? – наседал молодой человек.

– Что вы считаете вашу войну справедливой, – безразлично ответил Маркел.

21

Пришёл фельдшер, поглядел на сидевших в горнице, сказал штабс-капитану:

– Малярия затрепала Неласова. Хорошо, что хинин ещё есть, я ему дал. А у Гринцова кровохарканье. Из-за того, что он, как жердь, длинный, поверили, будто ему семнадцать, а я узнал: ему пятнадцать только.

Фельдшер обвёл всех взглядом невесёлого человека, вынужденного утешать:

– В другое время его бы в Уфу послать кумысом полечиться. А так... домой списать – он будет к другим частям прибиваться. Такие ребятки дома не сидят.

– Оставляем у нас, – сказал штабс-капитан.

Писарь поглядел на Маркела и Илью:

– Наш брат из гимназий и реальных училищ идёт воевать за демократию, а крестьяне не торопятся.

– Мы только от вас поняли, что да как, а то одно услышишь, другое, брехни много, – оправдывался Илья.

Тавлеев заговорил о том, что в Самаре организовался КомУч: Комитет членов Учредительного Собрания. Его второе название «Комитет защиты Учредительного Собрания. Самарское правительство». Растёт Народная армия КомУча, сказал штабс-капитан, его отряд вошёл в её состав.

Фельдшер, у которого не изменилось грустное выражение лица, обратился к Маркелу и Илье, словно утешая их:

– Большевики украли у революции красный цвет, поэтому КомУч, им наперекор, поднял Красное знамя.

– Красное? – вырвалось у Маркела, помнившего, что ему разъяснил про красный цвет Москанин. – Большевики хотят, чтобы красный цвет уважали и любили! Это знак борьбы за права рабочих и всех бедняков!

– КомУч узаконил для рабочих восьмичасовой рабочий день, – сказал штабс-капитан Тавлеев. – А бедняков большевики натравливают на зажиточных односельчан, раскалывают крестьянство. Они стремятся вообще раздробить весь народ. Поступают по правилу, которое отличает всех поработителей: разделяй и властвуй!

«Был бы тут Лев Павлович, он дал бы тебе такой умный ответ, что тебе крыть было бы нечем», – подумал убеждённо Маркел, спросил:

– А какие у вас идеи для будущего, если взять науку?

– Взять науку... – повторил фельдшер, не без некоторого удивления.

– Я стал эсером, когда окончил юнкерское училище и служил в полку, поэтому полагают, что я, прежде всего, думаю о военных нуждах, – сказал штабс-капитан. – Но это не так. О науке я заявляю, что она как можно скорее должна дать народу передовую медицину! – и он взглянул на фельдшера, который не преминул кивнуть. – Наука, – продолжил Тавлеев, обращаясь к Маркелу, – должна служить прогрессу созидания. Я тебе объясню, что это такое. У нас в стране нет дорог, мало элеваторов, паровых мельниц, неразвита культура хозяйства, мы не производим автомобили. И ещё многого нам не хватает. Прогресс должен дать нам всё это.

– И великие силы мирового могущества? – с суровым видом спросил Маркел.

Офицер, фельдшер и писарь улыбнулись.

– Об этом не беспокойся, – сказал Тавлеев. – Прогресс сделает Россию, при её населении и природных богатствах, одной из самых могучих держав мира. Прежде всего, она будет кладовой продовольствия.

Маркел понял, что эти люди, которые, конечно, считают себя очень умными, которые столько наговорили ему о справедливости их дела, не знают об идеях, ради каких борется

Москанин. «Не знают и не хотят знать, и поэтому они ему смертельные враги», – объяснил себе Маркел.

Он обратился к штабс-капитану:

– Мы можем овцу зарезать, хорошо бы, если б вы за неё заплатили.

Тавлеев велел писарю, исполнявшему и обязанности казначея, выдать деньги. Маркел и Илья вернулись в кухню, где Мария стирала бельё, а Михаил сидел на лавке. Он спросил парней:

– Ну, поняли, что нельзя не воевать?

– А то нет? Чтобы за народ и не встать! – произнёс Илья с тем видом истовой готовности, с каким ответил Москанину: «Получил – надо и послужить!»

Маркел прошёл к полке, взял нож. Илья сказал Михаилу:

– Овечку будем решать. Поджаришь офицеру почки? Наш хозяин любил.

– Наш не увлекается. Что он любит, так пирожки с морковью, – и солдат спросил Марию: – Морковь с прошлого года осталась?

Мария, прежде чем ответить, поймала взгляд Обреева и кивнула:

– Осталась.

22

По небу вытянулись полосами серые тучи, утреннего солнца они не заслоняли, оно жгло всё острее. В воздухе над двором гудели слепни, липли к лошадям в конюшне, те взмахивали хвостами, ударяли копытами в доски пола.

Накануне Илья привёз из леса две берёзки, обрубив с них ветви, и сейчас вышедший во двор штабс-капитан позвал писаря:

– Сосновин! Размяться не хотите?

Они положили ствол берёзы на козлы. Тавлеев, любитель физических упражнений, разделся до пояса, молодой человек последовал его примеру. Взялись пилить бревно на чурбаны.

Маркел только что вычистил хлев и стоял в дверном проёме, уперев руку в бок, Илья обстругивал новый черен для навозных вил – на днях надо будет вывозить навоз на поля.

Вдали над улицей поднялась пыль, донеслись шум, голоса, и вскоре двор оказался полон конников, въехала телега. Штабс-капитан, который оставил пилу и надел рубаху защитного цвета, подошёл к телеге, в ней лежал кто-то.

Штабс-капитану доложили:

– Подозрение, что он убил наших товарищей в Бузулуке!

Несколько солдат запустили руки в телегу, выволокли из неё мужчину со связанными за спиной руками, одетого в потрёпанный грязный пиджак. Пока его выволакивали, он издавал стоны.

– Цел и невредим, – доложил о нём солдат, взволнованно глядящий, лопухий, едва ли не подросток. – Не захотел сидя ехать, лежал всю дорогу.

У мужчины было бритое не далее, как вчера, сытое лицо, он глядел на офицера горестными глазами.

– Никого нигде я не убивал! Я в команде, которая фураж заготавливает, – произнёс звучным голосом.

С Тавлеевым переглянулся статный, постарше других, военный, двинул головой в сторону: они отошли шагов на десять. Военный, который был не носившим погоны подпоручиком и командовал конной разведкой, отчитался, где побывали он и его ребята. Выведав, в каких местах стоят части красных, они повернули назад и вчера вечером недалеке от деревни Липатовки узнали от идущего оттуда старика: красные там есть, но их немного.

Верстах в полутора от деревни зелёный от ряски пруд тесно обступали старые тополя, тут был одичало-заросший барский парк, усадьбу сожгли зимой. Двадцать два разведчика, включая командира, ведя коней в поводу, укрылись в парке.

Когда стало темно, разведчики на конях двинулись шагом за стариком, которого они уговорили помочь им. Собаки в деревне, где хозяйничали чужие люди, лаяли и днём и ночью, к их лаю привыкли. Давеча старик сказал: красные устроились человека по четыре в нескольких стоящих рядом избах, теперь он указал крайнюю. К её двору вдоль плетня с росшим возле бурьяном прокрались подпоручик, с ним трое. В неплотной тьме была различима фигура часового, он сидел на ступени крыльца и, очевидно, дремал. Подпоручик осторожно поднялся над плетнём с карабином в руках, приложился – от удара пули часовой чуть дёрнулся, обмякло сунулся головой вперёд.

Разведчики перемахнули через плетень, кинулись к избе. Невысокий быстрый паренёк очутился первым у двери, рывком открыл её и прижался к стене сбоку – бросив внутрь французскую осколочную гранату F-1, прозванную лимонкой. После взрыва ворвались в избу, вскидывая винтовки.

Три другие группы уже были в соседних дворах – красные выскакивали из изб под выстрелы, некоторым удавалось пробежать к лошадям, вскочить на неосёдланную. Двое с вин-

товками, один с двумя револьверами залегли за колодезным срубом – разведчик из-за овина забросил туда лимонку, которая разорвалась с её характерным на открытом воздухе негромким хлопком.

Дико заполошные, утробные, очумелые голоса красных, выкрикивающие матерную ругань, перекрыл призыв:

– К пулемёту!

Но у двуколки, где был пулемёт, уже прилёг разведчик – подсёк одного, второго, третьего из маузера, упирая в плечо приклад, которым служила кобура орехового дерева, называемая колодкой.

Красные, полуодетые, почти все босиком, убегали задворками, через огороды, пропадали в ночи.

– О! Вон туда заскочил! – один разведчик тронул за плечо другого, показал рукой на сарай.

Они вошли в сарай с винтовками на изготовку, сказали в один голос:

– Сдавайся!

В темноте разглядели поставленные сюда до зимы сани, из них поднялся, живо воздев руки, человек:

– Не стреляйте! Я безоружный!

Его вывели во двор, подошли другие разведчики с подпоручиком.

– Меня подневолью в команду взяли! Поглядите – пиджак на мне! – сказал пленный тоном простосердечия, старательно держа руки поднятыми.

– Обыскать его! И хозяина вызвать! – велел подпоручик.

Появился хозяин избы с керосиновой лампой. Лишь только она осветила лицо пленного, взметнулся крик:

– Во-от кто! Я тебя узнал!

– Что такое, Утевский? Кого вы узнали? – недоверчиво спросил офицер взволнованного паренька-солдата.

Тот принялся объяснять:

– В Бузулуке зимой стали хватать эсеров! Посадили в тюрьму Переслегина, Захарьева. Я с товарищами требовал их освобождения, и меня тоже схватили, посадили в ту же камеру. И пришёл он, потребовал, чтобы Захарьев встал на колени, тот не встал, и ты... – юный солдатик повернулся к мужчине в пиджаке, – ты стал стрелять ему в живот... Потом ты закричал Переслегину, чтобы он встал на колени, а он дал тебе пощёчину. И ты стал избивать его, пожилого, больного! У тебя были засучены рукава, я видел татуировки на твоих руках, на пальце видел медный или золотой перстень с печаткой. Ты бил Переслегина кулаком и ладонью, рукояткой нагана, ногами и выстрелил ему в лицо.

– Покажите руки, – сказал пленному подпоручик, тот показал пятерни, растопырил пальцы, говоря со скорбным как бы смиряемым негодованием:

– Никакого перстня, ошибка, спутал с кем-то меня!

Солдаты задрали ему рукава – округлые мускулистые руки оказались выше кистей покрыты рисунками.

– Наколки у многих на руках! Неуж у ваших ни у кого нет? – сказал мужчина офицеру.

Тот спросил Утевского:

– Не помните, какие татуировки?

Солдат мотнул головой:

– Нет!

У пленного вывернули карманы, велели снять сапоги; лампу передавали друг другу, освещая его со всех сторон, опускали её к земле – перстня не увидели. Подпоручик послал ребят

с лампой в сарай – не брошено ли там оружие. Не нашли ни револьвера, ни пистолета. Один из разведчиков, подняв лампу над пленным, сказал:

– А его ли пиджак?

Взгляды обратились на хозяина избы:

– Не ваш пиджак он взял?

Селянин подумал и ответил, что нет. Было понятно: он мог солгать, боясь мести.

Подпоручик спросил Утевского:

– А как вы спаслись из тюрьмы?

– Меня спас надзиратель, он при царе служил и никогда не видел, чтобы в тюрьме убивали. Тряс головой, шептал: «Революция...» Он вывел меня и сам ушёл, чтобы скрыться. Сказал – семьи у него нет, и красным некого покарать. – Солдат в ярости указал рукой на мужчину в пиджаке: – Это тот убийца!

Утевский, учившийся в реальном училище в Бузулуке, одним из первых вступил в отряд, глаза его редко улыбались, это был словно постоянно мучимый переживаниями мальчик-старик. Его ли не уважали?

Пленный раскрыл рот и не закрывал:

– Малый, может, не в себе! ночь, бой, нервность, ему и прибрелось, гляньте – нервный он. Может, и видел убийство, а теперь показалось, что я был. Так любого можно оговорить...

Подпоручик сказал ему:

– Решение о вас вынесет суд!

И распорядился взять для него подводу. Выехав на заре, команда разведчиков поздним утром прибыла в Савруху.

23

Во дворе поставили вынесенные из горницы стол, стулья. Около них оставив свободное пространство, полукругом тесно встали солдаты, ряд за рядом. Послеполуденная жара выгоняла пот. Несмотря на множество людей, которым не хватило места во дворе и они толпились и за забором, было тихо.

У стола спиной к дому стоял штабс-капитан Тавлеев, похожий на надевшего военную форму безукоризненно опрятного учителя. Слева от него встал статный красавец-подпоручик Белокозов, командир разведчиков. Справа от Тавлеева стоял начальник штаба отряда поручик Кулясов – поджарый, невеликий ростом, он неожиданно заговорил густым басом, обращаясь к солдатам:

– Желающие, приготовьтесь!

Кулясов положил на стол перед собой коробку папирос «Товарищ» ныне из-за войны закрытой в Ростове-на-Дону табачной фабрики «Работник», коробку украшало изображение расчѐсанного на пробор бородатого господина в сюртуке, расстѐгнутом на солидном животе, который, выпирая, натянул белую рубаху с рядом красных пуговиц. Поручик вынул из коробки папиросу и, разминая её, с удовольствием понюхал.

Писарь Сосновин, подошедший к торцу стола, положил на него листы бумаги, карандаш и пучок соломинок, три среди них были короче остальных. Молодой человек завернул пучок в бумагу так, что соломинки высывались наружу концами одинаковой длины. Солдаты стали подходить по одному и тянуть жребий. Трое, которые его вытянули, встали у стола в ряд с офицерами.

– Прошу сесть! – произнёс штабс-капитан.

Он, пятеро других судей и писарь сели на стулья. Тавлеев приказал подвести обвиняемого и вызвать свидетеля. Утевский, на этот раз собранно-спокойный, остановился там, где ему указали: поодаль от стола. Мужчина, которого развязали после того, как привезли, стоял в потрёпанном пиджаке перед столом. С крыльца позади судей на него смотрели Маркел, Илья, Мария, ординарец штабс-капитана Михаил и его младший брат Пётр – невысокий ловкий разведчик, бросивший гранату в избу, где ночевали красные. Михаил знал от брата подробности боя и то, как был взят обвиняемый.

Мужчина, не отличаясь ростом, выглядел неслабым и был не из худошавых. В сарае его захватили без фуражки, и он уже несколько раз попросил, чтобы ему дали что-нибудь прикрыть голову от солнца. Его тѐмные волосы были коротко пострижены, меж ними просвечивала кожа.

– Господа, примите в ваше внимание, что я давеча дал господину офицеру все сведения о красных, какие поблизости, – поглядев на Тавлеева, проговорил он смиренно, обвёл взглядом сидящих за столом.

– Сведения ещё надо проверить, – сказал штабс-капитан, – но если они и правдивы, это не освобождает вас от наказания, если обвинение будет доказано!

Писарь занёс в протокол фамилию, которой назвал себя пленный. Записав, что, по его словам, он, мобилизованный, служил в фуражной команде, Сосновин добавил установленное разведчиками: команда забирала у селян не только сено и овѐс для лошадей, на возах оказались мешки с зерном и мукой, корзины с яйцами, полушубки, овчины, сапоги, тѐплая одежда, включая женскую, топоры, молотки и прочее. Отступая, красные с помощью подобных команд вывозили всё, что можно было вывезти, из мест, куда ещё не вошли белые.

Штабс-капитан сказал об этом пленному, спросил:

– И вы утверждаете, что заготавливали только фураж?

Тот прижал к груди крупные кисти рук, воскликнул голосом клянущегося:

– Я себе ничего не взял! ни деревянной ложки, ни портянки! – он подтянул к локтям рукава пиджака, простёр руки к Тавлееву: – Не только у меня такие рисунки! Ваш солдат не сказал, что вот их, вот эти самые видел на руках того убийцы!

Было понятно, что, когда в свете керосиновой лампы обнаружили татуировки у пленного, Утевский мог заявить, что именно их он запомнил. Однако он и теперь повторил суду, что не помнит, какие татуировки были на руках убийцы.

– А самого тебя я запомнил и никогда не забуду! – отчаянно крикнул солдат, так и подавшись к пленному.

Тот, словно сожалея и сочувствуя парнишке, сказал скорбно:

– Молодой вы и ошибаетесь, на невиновного навлекаете... Вы и про перстень на пальце говорили, а где он?

Штабс-капитан обратился к Утевскому:

– Пожалуйста, для протокола – что вы говорили о перстне?

Солдат проговорил понурившись, но твёрдым голосом:

– На правой руке убийцы, на среднем пальце, был перстень с печаткой – по виду медный или золотой.

– Так. Перстень не найден! – произнёс Тавлеев, поглядел на сидевших справа от него и на тех, кто сидел слева: – Решайте, господа! Я считаю – доказательств для приговора к расстрелу недостаточно. Я не сомневаюсь в искренности Утевского, но убийца, которого он видел, и обвиняемый могут быть необыкновенно похожи внешне. Это случается.

Ординарец Михаил сбежал с крыльца, наклонился над плечом штабс-капитана, зашептал.

– Господа! – тот опять обратился к товарищам. – Никишов просит позволения ещё раз обыскать обвиняемого.

Позволение было дано, и Михаил Никишов с сосредоточенным видом подошёл к мужчине в пиджаке, который тут же развёл руки, с готовностью открывая доступ к карманам. Солдат вывернул один и другой, повернулся к сидящим за столом и сообщил как о новости:

– Пустые!

Судьи молчали, по-видимому, недовольные тратой времени. Михаил сказал:

– А вот тут дырочка.

В вывернутом дне кармана разошёлся шов.

– Что-то могло провалиться под подкладку, – говоря это, Михаил хотел было пощупать полу пиджака, но пленный внезапно оттолкнул его обеими руками:

– Не касайся моего тела! – и закричал: – Господа, что за срам надо мной?! Не допускайте!

– Ну что ты, что ты, не осраим, – говорил Михаил добродушно-ласково, словно успокаивая кого-то слабого и перепуганного, при этом из своего кармана извлёк складной нож и раскрыл его.

– Пиджак снимите с него аккуратно, не потряхните, не порвите, – обратился Никишов к солдатам.

– Пытать начнёте? Ваша сила... – пленный, оставшись в нательной рубашке, издал стон нестерпимой муки.

Михаил взял снятый с него пиджак, присел на корточки, ножом отпорол подкладку понизу. Выпрямляясь, обеими руками поднял пиджак за плечи – что-то упало на землю. Несколько солдат рванулись к предмету.

– Кольцо!

– Кольцо золотое!

– Как есть, перстень!

От полоснувших слух возгласов скопище солдат шевельнулось, заколебалось; на тех, кто был ближе к пленному, к Михаилу и к солдатам, склонившимся над перстнем, напёрли те,

что стояли позади. Михаил, взяв с земли перстень и держа его двумя пальцами, поднял руку над головой, показывая всем, затем подошёл к столу судей, положил находку перед штабс-капитаном.

– Извольте видеть – кольцо!

– Ай да Никишов! – пробасил поручик Кулясов, вернув в коробку папиросу, которую собрался закурить; он приподнялся со стула, разглядывая кольцо: – По виду как будто золото, печатка простая гладкая.

– Главное – перстень выглядит золотым, что и говорил Утевский, – заметил Тавлеев.

Изумлённый сообразительностью Михаила, он, стараясь этого не показать, сказал строго:

– Наши разведчики неопытны, не умеют обыскивать.

Подпоручик Белокозов, смешавшись, высказал:

– Пленный мог спрятать кольцо только, когда ещё был в сарае. Потом его обыскивали, не отпускали ни на шаг, а там и руки ему связали, он уже не мог сделать ни одного незаметного движения. – Белокозов взглянул с немим вопросом на штабс-капитана, на Кулясова, на других судей и продолжил: – Но когда он был в сарае, не предполагал же он, что его опознают! Зачем прятать кольцо?

Михаил Никишов сказал, улыбаясь:

– Господин подпоручик, вы думаете, они, красные, не считают нас такими же ворами, как они сами? Конечно, считают. Вот он и спрятал кольцо, чтобы не отобрали.

– Резонное объяснение! – произнёс густым, с хрипотцой, басом поджарый невеликий ростом Кулясов.

Весьма довольный Михаил попросил:

– Господа, позвольте, я представлю об этом красном. Мне брат Пётр рассказал, как он попался. А до того было так. Как началась стрельба, он не схватил оружие, чтобы отстреливаться, прорываться. Не из таких он. Ему бы как побезопаснее: спрячусь, мол, а там и смоюсь. Натянул пиджак хозяина избы и промызнул в сарай – но его заметили. Он успел кольцо протолкнуть через дно кармана – то ли там уже была дырка, то ли он пальцем шов прорвал: нитки-то гнилые. А уж что его опознают, он никак не полагал.

– Я уверен – так и было, – сказал Утевский, которого попросили посмотреть перстень. – Пусть он его на палец наденет! – солдат обернулся к пленному.

Тот, в измокравшей от пота нательной рубахе, лёг ничком, начал содрогаться всем телом, загребать мягкую землю горстями. Штабс-капитан Тавлеев, поднявшись со стула, громко произнёс:

– Обвиняемый, встаньте и скажите, что считаете нужным!

Пленный задёргал головой из стороны в сторону, скребнул землю пятернями, остро, пронзительно взвизгнул. Тавлеев обратился к судьям:

– Господа, выносим приговор!

Все шестеро высказались за расстрел.

24

Приговорённый, всхлипывая, приник всем телом к земле, захватывал её ртом, пускал слюну, из носа текло. Солдаты, теснившиеся вокруг, с гадливостью отступили; двор был по-прежнему полон, много солдат стояло за забором. Солнце пекло горячей огня, лица тех, кто смотрел на плачущего на земле мужчину, блестели от пота. Кто-то не сдержал чувства:

– Вот дрянь!

Другой сплюнул. Писарь Сосновин за судейским столом качнул головой:

– Изображает припадок!

Штабс-капитан велел внести в протокол, что перстень взят в казну отряда, затем, стоя у стола и глядя в скопище солдат, позвал:

– Столяров!

К столу подошёл военный бывалого вида, из унтер-офицеров: насупленный, мрачноватый.

– Отберите людей, Столяров, и подготовьте исполнение приговора. Исполнить надо на площади, – сказал ему штабс-капитан.

Когда Столяров и несколько солдат остановились возле лежащего ничком, тот оторвал от земли лицо в соплях с налипшей на него грязью, всхлипнул, и из горла вырвался поистине страшный крик крупного убиваемого животного. Мужчина перевёл дух, упёрся ладонями в землю, втянул в себя воздух и, исторгая из ноздрей соплю, изо рта слюну, прохрипел:

– Не вста-а-ну!

Столяров и солдаты завернули ему руки за спину, связали. Один из солдат предложил:

– Ещё верёвку привязать и потащить волоком.

– Нет, так нельзя. Везите на подводе, – раздался голос стоящего за судейским столом Тавлеева.

Подле него оказался ординарец Михаил, зашептал что-то. Штабс-капитан помолчал и кивнул. Унтер-офицер, солдаты топтались вокруг лежащего красного, на их лицах было отвращение.

– Коснуться его штыком, и пошёл бы как положено, – рассудительно произнёс Столяров.

Подбежал брат Михаила быстрый невысокий Пётр с возгласом:

– Да отойдите вы! Имейте сострадание – человек же, как-никак! – он присел на корточки около лежащего, ослабил узел верёвки, которой были связаны его руки, сказал что-то, чего другие не услышали.

И когда Пётр вскочил на ноги, поднялся и приговорённый. Он стоял в замызганной нательной рубашке, набычившись, держа за спиной руки, на которых верёвка едва держалась, его лицо до самых глаз покрывала отвратительная грязная жижа.

– Иди, не теряйся... – сказал ему с ноткой некоего скрытого значения Пётр, другим тоном обратился к Столярову и солдатам-конвоирам:

– Не напирайте на человека!

Унтер-офицер и его люди переглянулись. Красный сделал шаг-другой, от него сторонились. Впереди шёл рослый солдат с трёхлинейкой за спиной, чуть позади и сбоку от мужчины в нательной рубашке лёгкой походкой следовал Пётр, отдавший свою винтовку брату Михаилу, который держался за ним, немного приотстав. Справа и слева от осуждённого, на некотором расстоянии, шагали Столяров и конвоир, придерживая на плече ремни винтовок.

Процессия двинулась по пыльной улице. Следом на конях ехали штабс-капитан Тавлеев, поручик Кулясов, курящий папиросу, и подпоручик Белокозов. От конников не отставали Маркел и Илья.

Вдоль улицы с обеих сторон плотными шеренгами пошли солдаты, меж них затесались местные мужики. Множество мужиков, баб, детей, ветхих стариков и старух смотрело из-за изгородей. Послышался женский голос:

– Как избили – стра-ах!

Мужской голос отозвался из ближнего двора:

– Лицо измолотили!

Поручик Кулясов, ехавший рядом со штабс-капитаном, вынул изо рта папиросу, пробасил с гримасой досады:

– И ведь не докажешь, что его пальцем не тронули!

Людской поток вытек на площадь перед церковью, рядом с которой высились старые тополя, за ними начиналось кладбище. По площади понеслись мальчишки, ближе к церкви томились жадным любопытством группы селян, передавалось голосами, полными плотского трепета: «Ведут!», «Ведут!»

Людей перед процессией будто смело; рослый солдат впереди мужчины с опутанными верёвкой руками за спиной направлялся к тополям, вплотную за правым плечом осуждённого шёл Пётр Никишов. Не доходя до среднего тополя, солдат посторонился, и тут приговорённый сбросил верёвку с рук, рванулся вперёд – мгновенно Пётр подскочил ногой его ногу, поймал падающего за руку, заломил её ему за спину. Подскочили Столяров и конвоир, красного подхватили – трое, сламывая бешеное сопротивление, притиснули его спиной к тополи, Михаил Никишов бросил брату моток верёвки. Приговорённого туго примотали к толстому дереву, он, искажая лицо, облепленное отвратительной грязью, оголтело орал Петру:

– Га-а-д! га-а-ад!!!

Пётр, невысокий, ладный, смеясь смелыми глазами, объяснял солдатам:

– Я ему во дворе руки почти развязал и сказал: помогу убежать! Ты только, мол, дойди до кладбища – я устрою переполох, и убежишь!

– И поверил! – непонимающе сказал конвоир.

– Ха! При его трусости он за любую соломинку схватится. Мы с братом рассчитали: куда ему деться, если не верить? подводу ждать и конца? А так – при надежде – пришёл как миленький.

Осуждённый, который, как ни тужился, мог двигать лишь головой, издавал истошные крики без слов – рёв животного ужаса.

Штабс-капитан Тавлеев, сидящий на гнедом жеребце, наклонился к Столярову:

– Передайте солдатам, пусть пропустят крестьян ближе – они должны слышать приговор.

Когда вблизи тут и там оказались мужики, Тавлеев обратился к ним, как эсеры обращались к публике:

– Товарищи! – он выбросил вперёд руку, показывая на примотанного к дереву: – Это убийца! – штабс-капитана завело яростью, над толпой разнеслось: – Он в тюрьме Бузулука убил социалистов-революционеров Захарьева и Переслегина! И за это приговорён к расстрелу!

С полминуты царила тишина, и снова «дуриком», как выражаются в народе, стал орать осуждённый. Штабс-капитан встретил взгляд Столярова, произнёс:

– Исполняйте!

Трое солдат, с которыми Столяров поговорил заранее, по его знаку встали в ряд шагах в десяти от осуждённого: его тело от подмышек до паха покрывали тугие кольца верёвки, прихватившей его намертво к тополи.

– Готовься! – властным рубящим голосом унтер-офицера скомандовал Столяров.

Трое упёрли в плечо приклады трёхлинейек.

– Цельсь!

Спустя три секунды метнулось:

– Пли!

Три выстрела стукнули так, словно не уместились в одно мгновение и раздвинули его. Кольца верёвки на груди осуждённого лопнули, голова дёрнулась книзу, чуть-чуть приподнялась и застыла. Верёвка расплзлась в трёх местах разрыва, там выступило тёмное, три пятна слились в одно, оно, становясь жирнее, поползло вниз.

Казалось, все, кто был на площади, ждали: тело у тополя издаст рёв.

Штабс-капитан Тавлеев с седла наклонился к ближнему из мужиков:

– Соберите товарищей и предайте труп земле.

Офицеры на конях, за ними пешие солдаты дружно, массой, покидали площадь, заполняя улицу. Селяне скапливались перед тополем: из-за того что три кольца верёвки на трупе были перебиты пулями, остальные кольца ослабляли хват, верёвка распускалась и тело мелкими рывками съезжало наземь, ноги подгибались, из-под трупа пополз ручеёк крови.

Маркел и Илья, нагнавшись, направились домой. Илья протяжно проговорил:

– Тогда было то, что мы видали, теперь это увидели... – он добавил: – Да-а... – и спросил Маркела: – Сравниваешь, небось?

– А что ли нет? – сказал тот задиристо. – Вот этот убитый – он не моих товарищей убил в тюрьме, мне до него дела нет. А если бы убил моих и я был бы должен судить, как его судили? – Маркел, посмотрев на Илью сбоку, говорил на ходу: – А не нашли бы кольцо? Ну, к примеру, он до всего этого пропил бы его? Или кольца и вовсе никогда у него не было бы? Так, значит, тронуть его нельзя – хоть солдат клянись, что видел, как он убивал?!

Илья кивнул, словно согласившись, а потом сказал:

– А если солдат обознался и убивал не этот?

– Но он всё равно меня, если б я на их месте был, ненавидал! – воскликнул в мрачном порыве Маркел. – И я думал бы не про то, что он не убивал! я думал бы, что если он убил и не расстрелян, как он надо мной смеётся!

У парня сжались кулаки, он на миг остановился и мотнул головой, отгоняя видение: ему представился тот, кто смеётся над ним, избегнув расстрела.

– Это такой суд затеять, чтобы одного врага расстрелять! – воскликнул он, и негодуя, и презрительно усмехаясь.

Илья произнёс:

– У них по справедливости, они люди хорошие.

– Хорошие! – неожиданно и твёрдо согласился Маркел. – И как они сладят с теми, кто к ним по-плохому? Столько мыкаться с одним врагом! А врагов у них – не один, не два и не три... – он опять остановился, проговорил с задушевной убеждённой и восхищением: – Куда им до Льва Пальча Москанина!..

25

Парни ещё раз увидели, что значит суд для эсеров. Подруга Софьи Ивановны приводила её из флигеля к штабс-капитану Тавлееву, и ему было досконально поведано, как красные выгнали Даниловых из дома, как потом убили Фёдора Севастьяновича, а дом и то, что сами не взяли, отдали двоим батракам и кухарке; достался тем и добрый кусище хозяйской земли.

Тавлеев вызвал Обреева, Неделеяева, Марию и вместе с писарем Сосновиным задавал вопросы им, Софье Ивановне и её подруге. Дело было разобрано кропотливо.

– От этих троих людей или кого-то из них были показания против вашего мужа, наветы? – спросил вдову штабс-капитан, подводя итог.

– Спаси Бог, зря говорить не буду, я не слыхала! – и Софья Ивановна перекрестилась.

– Просили красных они или кто-то из них дать им что-то из вашего хозяйства, выделить землю?

– И этого не слыхала, – сказала вдова.

– Значит, нельзя сказать, что они причастны к убийству и сами присвоили что-то ваше! – объявил Тавлеев.

Он объяснил вдове:

– Как только мы освободим ваш дом от постоя, вы сможете перейти в него, занять одну из комнат. Но этих троих людей нельзя выгонять на кухню. Они здесь не один год трудились, один из них вырос тут. И землю нельзя у них отбирать. Во всём мире принято: тот, кто вспахал и засеял землю, имеет право собрать с неё урожай!

Штабс-капитан продолжил тоном учителя, который повторяет прописные истины несообразительным ученикам:

– Когда в стране установится всенародно избранная власть, когда будет установлен порядок и начнут действовать суды разных инстанций, ваше дело будет рассмотрено в судебном порядке, решится вопрос о собственности. А пока – так! – и он хлопнул ладонью по столу.

Приходил возвратившийся в Савруху свёкор Любы: её с ребёнком муж-офицер увёз в Уфу, где получил должность в штабе белых. Свёкор встал возле конюшни, вызвал из дома Илью и Маркела и, трогая себя за бороду, начал с неотступным напором:

– Дочь покойного Данилова Любовь в своём праве, и на мне лежит исполнить! Забираю коней, тоже и корову!

Вышедший на крыльцо Михаил услышал, доложил штабс-капитану. Тот распорядился привести человека в горницу. Сидя в своей неновой форме за столом, похожий на опрятного домоседа, Тавлеев отчитал стоявшего у порога селянина:

– Во-первых, у вас нет никакого подтверждения, что вы говорите от имени наследницы. Во-вторых, она не единственная наследница, у Данилова остались ещё две дочери, осталась вдова. Но самое главное, – и голос штабс-капитана построжал, – дело о наследстве, о собственности может решить только суд!

Селянин услышал о всенародно избранной власти, об установлении порядка. Уходил он с видом жестокой обиды, и было заметно, как тянет его завернуть к конюшне – посмотреть на двух коней. Но Михаил проводил его до ворот, проговорил, хитро поглядывая:

– Ты как будто всего своего лишился и пришёл к этим парням наниматься батраком...

Тот, быстро пойдя прочь, прошипел какое-то неразборчиво-доброе пожелание сказавшему.

Между тем Тавлеев не удовлетворился разъяснениями, которые дал взыскующим. В Бузулук прибыл из Самары комиссар КомУча с большими полномочиями, и штабс-капитан отправил ему с конным нарочным послание, в котором обстоятельно описал дело о собственности убитого Данилова. Ответом явилась бумага с печатями самарского правительства и ата-

мана Дутова, выметавшего красных из Оренбуржья. В бумаге объявлялось, что до постановления суда, который будет создан законной всероссийской властью, дом Данилова остаётся в совместном пользовании Обреева, Неделяева, Марии Зипаловой и вдовы. Лошади, корова, надворные постройки, инвентарь, земля, засеянная Обреевым, Неделяевым, Марией Зипаловой, также до суда, сохраняются за ними. На них налагается обязанность содержать вдову.

Тавлеев собрал в горнице всех названных в документе, вслух зачитал его, затем дал прочесть Софье Ивановне и вручил Илье Обрееву как старшему из работоспособных.

Из Бузулука приехала с мужем-купцом старшая дочь Даниловых. Ей и средней дочери с их семьями выпало уцелеть при красных. Мужей вместе с другими купцами взяли под арест и пообещали держать без хлеба и воды, пока не подпишут обязательство «внести контрибуцию». Деньги были отданы, и купцов отпустили до следующего раза – на их счастье в Бузулук вошли белые.

Мужья обеих сестёр порешили, во избежание неожиданностей войны, забрать семьи и всё, что можно, и отправиться в Харбин. Старшая дочь приехала в Савруху за матерью.

Софья Ивановна спросила Тавлеева, нельзя ли «хоть свою одежду и то, что тут было как дорогая память, с собой взять?» Штабс-капитан сказал, что это, конечно, можно. И из дома, помимо одежды, вынесли остававшееся на смену постельное бельё, швейную машинку «зингер», самовар, посуду, кроме самой простой, настенные часы, скатерти, занавески, большое зеркало, которое, хотя и было обёрнуто несколькими одеялами, треснуло, когда его клали на воз.

Илья ухитрился припрятать пару хозяйских рубах, пол-ящика мыла «Нестор», названного так компанией-производителем «Невское стеариновое товарищество», десятка три шпудлек с нитками, дюжину иголок. В селе ныне несказанно ценились нитки и иголки.

26

С зорьки Илья и Маркел косили траву, вдыхая пряный от луговых ароматов воздух, напивая рубахи терпким потом. Почувствовав, что усталость становится нещадной, положили косы наземь, сбросили с себя мокрые насквозь рубахи и спрятались от солнца в шалаш на краю луга у чернолесья.

– Ага, Мария идёт. Хоть бы принесла яйца... – сказал тоскующим голосом Илья, выглядывая из шалаша.

Белые избавили селян от продразвёрсток, и по дворам, где хозяева сумели сберечь от красных петуха и кур, забегали цыплята. Парни давеча поручили Марии выбрать что-то из оставшихся от Данилова вещей, сменять на яйца, но нашлось мало чего – шло к тому, что после мёда лизнёшь дёгтя от смены власти.

Мария, подходя к шалашу косцов, упарившихся от работы и солнца, окатила их сердца радостью:

– Несу пяток яиц! И курицу несу, сварила. За полшпильки ниток взяла трёх кур с петухом!

Парням, в чьём хозяйстве, если не считать коней и дойную корову, живность перевелась, снилось мясо, и странно было, что на курицу они накинудись без урчания. Её молча разодрали на две половины, и в то время как они исчезали меж рядами крепких зубов, Мария говорила:

– Люди к нам без дружбы. Какой раз мне сказали в глаза: вы забогатели на добре убитого! При красных никто не сказал так, а теперь вона чего.

Илья провёл тыльной стороной ладони по лоснящимся от жира губам, сказал:

– Завидуют, и пускай! А я заране знаю, что всё у нас отберётся. Разве ж какое-то время повладеем. Но на зиму запастись надо!

Маркел, разгрызавший куриную шейку, выплюнул обсосанные позвонки, проговорил с яростной ноткой:

– Хорошо б, чтобы у всех отобралось!

Мария сказала, что к ней заходили Лизка и Ленка. Белые из села отправились к Актюбинску, где красные собирали силы в кулак, и освободившийся от постоя дом звал к мирным радостям.

– Лизка передо мной глаза закатила и Ленке: «Ба-а-ньки надо бы!» А Ленка ей поговорку: «Не говори, кума, самой охота!» – передала Мария.

Илья съел гузку, облизал пальцы:

– Косьбу докончим и гульнём! – он улыбнулся девушке и подмигнул Маркелу.

Лишь только парни показали дома, подружки уже тут как тут. Компания вдосталь попарилась и натешилась в бане, затем весь вечер пиновала в горнице. У Санечки был с собой самогон. Мария, давеча выменяв на нитки цыплят, изжарила их – у всех оказалось по цыплёнку, куски хлеба намазывали толстым слоем масла. Три подружки легли с Ильёй в его комнате, к ним на сей раз пришла и Мария.

Маркел у себя уединился с Варварой, их взял заслуженный сон. Спали спинами друг к другу. Варвара, лёжа на правом боку, вольготно вытянула правую руку; напротив через комнату различалось окно, которое ленились закрывать ставнями. В него плеснул свет – девушка проснулась, лягнула парня и, отбросив одеяло, метнулась к окну.

– Пожа-а-ар!!!

Взбудораженно закричали в других комнатах.

– О-ой, пожа-ар!!!

– Баня гори-и-ит!!!

Вскочивший с кровати Маркел натягивал штаны. Первым вынесся из дома полуголый Илья, впопыхах бросился с ведром к корыту с дождевой водой, зачерпнул. Пылала тесовая крыша – одна над баней и флигелем. Маркел тоже схватил ведро, побежал к корыту. Парни выплеснули воду на стену бани, ближнюю к сараю, спохватились и выкатили из сарая ручной насос. Санечка, Лизка, Ленка, Мария и Варвара – кто с ведром, кто с тазом, кто с ушатом – крича, носились к колодцу, несли, расплёскивая, воду к бочке насоса.

Тёмной ночью от пламени, пожирившего крышу, было светло по-особенному резко и жутко, как бывает только при пожаре. Всполошились соседи, сбегался с гомоном народ, но, хотя Мария открыла ворота, никто не спешил с помощью. Мужской низкий сиповатый голос оповестил злорадно:

– Заигрались в бане до пожара!

– Гляди, сарай загорится! – крикнул подбежавший с улицы к забору растрёпанный старик.

– Ка-а-ак амбар запылывает! – позлорадствовал тонкий тенорок.

– Ветра нет – уже и сарай, и хлев бы горели! – кричал старик, и с суматошно-шумной, галдящей улицы летело:

– Через них полсела сгорит!

– Развели срамоту! Как не загореться?!

Одна баба иступлённо-визгливо зашлась:

– Девки без стыда-а-аа!!!

Бочка насоса была, наконец, налита водой – Маркел, Лизка, Мария взялись качать. Илья, размотав рукав, направил струю на крышу бани – в огне фыркнуло, зашипело, вверх рванулся пар. Санечка и Ленка принесли лестницу, приставили к стене флигеля – Ленка полезла наверх, наклонилась, приняла у Санечки неполное ведро воды, постаралась вылить на горящий край крыши. Илья поднимал рукав насоса: струя изгибалась дугой, сверху вонзалась в пламя – и его прорежали клубы пара.

– Правей дай! – качая насос, Маркел кричал Илье, тот яростно от усердия крикнул:

– Да вижу я!

И струя загнулась над местом, где огонь взвивался всего выше. Тёс полыхал с треском, водяная дуга гуляла над ним – треск пригнетался фырчаньем, шипением. Илья сменил у насоса Маркела, тот, схватив рукав, подбросил струю воды над горящей крышей. Пламя опадало в дыму и в пару и, наконец, было залито.

В воротах стоял мужик-здоровяк, в какой раз говоря:

– Испохабили двор Данилова! До пожара довели!

Илья, по пояс голый, пошёл к мужику, который был на полголовы выше и шире в плечах.

– Не ври-и! – крикнул Илья. – Это был снаружи поджог! Из-за городьбы закинули головни на крышу, крыша сверху загорелась! – он показал рукой на забор шагах в пяти от бани и флигеля, которые теперь стояли без кровли.

Кто-то сказал в толпе на улице:

– И видать, что сверху горело.

Послышалось рассуждение старика:

– Долго ли палки тряпками обмотать, в масло сунуть, зажечь и закинуть?

Мужик, стоявший в воротах, шагнул навстречу Илье, прорычал, дыша ему в лицо:

– А похабство тоже снар-ружи? А не в бане, не в доме, которые ты не строил? – он оглянулся на толпившихся на улице, заорал в лицо парню: – За что тебе красные дали? За то, что ты у них был прислужник!

– А не ты красному руку пожимал у своего двора? Может, ты наговорил на тех, кого расстреляли! – крикнул Илья.

– Я?.. Докажи, сволочь! – и здоровяк размахнулся.

Обреев, умевший ловко уворачиваться от кулаков, умел и бить, не замахинаясь, что тогда было новым для села. Уклонившись от удара, он стукнул противника в скулу – тот шатнулся, сделал два шага назад, чтобы удержаться на ногах, встряхнул головой и, вновь заноса кулак, ринулся на парня. Илья легко увернулся и, опять не замахинаясь, тукнул мужика в ту же скулу. Тот повалился мешком. С улицы взгально закричали:

– Убьют друг дружку!

– Железкой он его!

Упавший, матерясь, встал, вышел со двора. Илья и Маркел закрыли ворота, вдвинули в скобы брус. Светил блёсткий месяц, до того скрытый облаком; люди, продолжая гомонить, стали расходиться. Илья с Маркелом смотрели, что натворил пожар; полуодетые девушки поспешили в дом, Лизка стеньяще-горько пожаловалась:

– Уж больше не попариться!

Убитые тем, что их баню подожгли, подруги уныло ходили по тёмному дому, не зная, что делать: не начинать же наново игру? и не было охоты ложиться спать. Лизка произнесла жалобно, со вздохом:

– От всего этого я оголодала.

В кухне, где Мария зажгла лампу, взяла банку варенья, стала его есть с хлебом. Санечка принесла из горницы выпитую на треть бутылку самогона, предложила подругам. Лизка, Ленка и она сама выпили по полстопки, Мария и Варвара, отказавшись, сели на лавку у стены. Пришли перепачканные сажей Илья и Маркел.

– Балки не сгорели, держатся, но надо менять, – сообщил Илья.

Варвара вдруг с опаской, словно остерегаясь кого-то постороннего, произнесла:

– А помните – в день Мокея было, – она имела в виду день Святого Мокия, – я сказала: солнце заходило о-ой багровое! Значит, будет лето с пожарами. Ну и вот вам!

Илья вздохнул и усмехнулся:

– Как будто война идёт кругом без пожаров – а Мокей указал именно, что нашу баню зажгут.

– И как будто пожары кончатся с этим летом, – добавил, тоже усмехаясь, но зловеще, Маркел.

27

По Саврухе проехали верхом гонцы атамана Дутова – объявляли мобилизацию. Начать её, по нуждам войны, должны были гораздо раньше, но Дутов дал военнообязанным отсрочку, чтобы убрали хлеб.

Илья Обреев не так давно хлебал из солдатского котелка. С началом мировой войны был призван, оказался как умелец в шорной мастерской тыловой части, а когда летом 1917 года стало ясно, что власть Временного правительства – не такая уж и власть, умотал в Савруху к Данилову.

Теперь сказал Маркелу, что от дутовской мобилизации надо укрыться, против чего тот, само собой, не возразил. Восемнадцать ему ещё не исполнилось, оставался почти месяц, – но на это могли не посмотреть.

Они с Обреевым до ночи готовились к отъезду, недолго поспали и, лишь стало светать, укатили на подводе со двора, взяв с собой Марию.

Сытый сильный конь нёс их дробной рысью не к ближнему чернолесью у речки, а к дальнему лесу, в котором было где укрыться. Маркел наслышался, что такое бой, взрывы снарядов, а как пули ударяют в тело человека, и сам уже видел. У парней сосало под ложечкой от мыслей о вероятном будущем, оба знали, что об их бегстве поспешат донести. Илья, сжимая в руках вожжи, сказал с грызущей тревогой:

– Конечно, узрели, как мы уезжали, но, может, не догадаются, куда...

Маркел в телеге, пристроившись боком на свёрнутом тулупе, молчал. Позади него уместилась меж мешков с припасами Мария, она вдруг произнесла звонко-певуче и страдающе:

– До чего до войны было хорошо!..

– Только тогда мы этого не знали, – отозвался Илья, поглядывая кругом на скошенные поля.

С любой стороны могли показаться вооружённые всадники – заметят, подъедут, спросят: кто такие? куда? зачем? Навалившиеся на горизонт облака тушевали свет зари, над просторами, однообразно сереющими стернёй, стыла упорная неопределённость. Слева издали наперерез двигался воз сена. Обреев, чтобы избежать встречи, погнал коня галопом, запряжка миновала перекрёсток, оставив воз сбоку саженьях в ста. Впереди справа, оттуда, куда уходил отлогий спуск, появился конник, за ним второй, третий...

– Теперь – как судьба, – сказал Илья обречённо, придержал коня, пустил его шагом.

Всадники гуськом приближались рысью к просёлку, которым катила подвода, – сейчас первый выедет на него, повернёт навстречу. Но верховой пересёк просёлок, через него проскаквали один за другим остальные конники; можно было разглядеть, что они в военной форме, над плечом у каждого виднелся ствол винтовки. Вся вереница – всадников полста – протянулась влево.

Илья на миг повернул весёлое лицо к Маркелу, к Марии, зачем-то, перекладывая вожжи из одной руки в другую, поплевал на ладони и бросил коню:

– Н-но-о!

– Это кто же были – белые? – спросила Мария.

– Скорее всего! Но, может, и красные добегают сюда! – воскликнул Илья в радости оттого, что конные, кто бы они ни были, удаляются.

Справа и немного позади всходило солнце, из-за облаков скользнули лучи, и сероватая стерня пожелтела. Впереди был уже виден лес на косогоре, чуть тронутый жёлтым. Над полем и над лесом сыто дышала осень, сгущался её дух избытка, когда так и видится свежее испечённый пышный каравай. Под спокойным облачным небом жило умиротворение, рождалось чувство несравненно дорогой надёжности крова: и домашнего, и небесного. Оно, неосознанное,

мешало Маркелу, он из тряской телеги беспокойно глядел в поле и думал сейчас не о военных, которые могли вновь появиться. Его проняло волнение – непонятное, пока вдруг не представилось несметное множество сусликов в их уютных норах, полных вкусного питательного зерна. Как сладка им их обеспеченная домашняя жизнь! «Ну ничего, – подумал он, – наука откроет, как вас потравить в ваших норах, повыжигать в них!» Тут же он мысленно усмехнулся на себя: «Нашёл о ком думать – о зверьках, – когда везде и всюду нет числа гораздо более вредным сусликам!»

Въехали в лес ложбиной, рассекавшей возвышенность и уходившей в гору, конь потянул на изволок по колее, полужаросшей цепкой травой. Через некоторое время Обреев, знавший здешние места, остановил лошадь:

– Тпру-у!

Из подводы повытаскивали привезённое. Илья, подвесив к морде коня торбу с овсом, повёл спутников вправо вверх по склону холма между тесно стоявшими деревьями; трое переступали через гнилые колоды и недавно упавшие стволы. Вышли к избушке из почерневших брёвен, которую обступали заросли матёрой крапивы и лопухов, над кровлей, покрытой дёрном, простирала ветви старые липы. Тут и там зеленели сосны, белели берёзы с пожелтевшей листвой.

– Глухо! – сказал Илья с удовольствием.

Осмотрев изнутри избушку, он с ведром сходил к недалёкому роднику за водой, сообщил:

– А грибов-то здесь!

И, выложив из корзины хлеб, пошёл за грибами.

Мария в избушке расстелила дерюгу, поверх разостлала тулупы, старую чуйку, Маркел принёс сухого валежника, и в камельке из камней, скреплённых глиной, принялось приветливо потрескивать пламя. Маркелу думалось, как много ещё, должно быть, изб, где варят, жарят, пекут пищу домовитые хозяева, которых не достала продрозвёрстка, не тронула война. И на сердце скребли кошки оттого, что он прячется в лесной глуши, тогда как надо бы надламывать, пускать в трату жизнь думающих только о еде сусликов, над чьим миром должна полыхнуть невиданным огнём великая сила солдат будущего.

Из-за деревьев появился Илья.

– Их собирать и собирать! Сколько я ходил? А вот уже на жарёху!

Он показал грибы в корзине: больше всего было осенних опят с медово-бурыми шляпками и рядовок, чьи серые шляпки отливали зеленью.

Грибы жарили на сливочном масле, их внушительная горка на сковородке оседала под деловитое шипение. Илья, разувшись, сидел на тулупе, подогнув под себя ноги, говорил вдохновенно:

– Можно на всю зиму запастись! А если ещё ходить на речку за рыбой... знай хлебай уху! От холодов подкидывай валежник в огонь – мороз не возьмёт.

– А в селе дом сожгут, – произнёс Маркел злорадно, будто имелся в виду чужой ему дом.

Илья посмотрел ему в глаза, сказал неохотно:

– А то мы с тобой о том не говорили! – и, заволновавшись, показывая рукой в дверной проём избушки, продолжил: – Здесь сами эти места прокормят, дадут прожить. Наверно, оно лучше, чем пошлют туда, где тебе оторвёт руку или ногу. – Сменив тон, он добавил мечтательно: – Уж если брать ружьё, то чтобы тут завалить лося. До нового лета объедайся мясом!

Маркел, подумав, что, если бы дело было лишь в пропитании, Илья, пожалуй, и прожил бы, как мечтает. Сказал:

– А найдут?

Обреев только вздохнул. Принялись за еду, потом Маркел вышел из избушки, где Илья привычно приласкал Марию, налёг на неё.

Не бывавший в здешних местах Маркел нашёл родник, откуда давеча брал воду Обреев, прилёг наземь и попил в удовольствии, какая вода вкусная.

Возвращаясь к избушке кружным путём, увидел кустики брусники с множеством спелых круглых ярко-красных ягод. «Объеденье! – невольно сказал мысленно, стал рвать и есть ягоды. – И благодать же тут!»

Илья проводил Марию к запряжке – ехать стеречь дом, хозяйство, насколько это удастся. Затем взял корзину, длинную бечёвку, обломок ветки и немного пшена и позвал Маркела:

– Хочешь посмотреть?

Привёл товарища к поляне, на обступавших её деревьях сидели лесные голуби. Илья посреди поляны повыдергал на небольшом участке траву, расположил тут перевёрнутую кверху дном корзину, приподнял её край, подпёр палочкой, к которой привязал конец бечёвки. Посыпав на землю около корзины и под ней пшена, отошёл, разматывая бечёвку, к деревьям, где ждал Маркел. Парни спрятались за стволами, затаились. На поляну слетел голубь, стал клевать пшено. Захлопали крылья, рядом с первым опустились три голубя, подлетела ещё пара. Голуби торопливо склёвывали зёрна с земли вокруг корзины, а вот один, второй, третий, работая клювами, оказались под ней. Илья дёрнул бечёвку, палочка выскочила из-под края корзины, и та накрыла голубей.

В обед Обреев потчевал товарища щами со свежей капустой, молодой картошкой, морковкой и с голубями, говоря в радушной уверенности щедрого знатока:

– Чего кто ни толкуй, какие щи хороши, а самые лучшие щи – с голубями!

28

Поймав ещё голубей, Обреев на другой день угощал щами приятных гостей: Санечку, Лизку, Ленку и Варвару; они и сами навезли снеди, прихватили также несколько полушубков, тёплые одеяла.

За вершинами старых сосен стояло солнце, но, как и положено в эту пору, крепла прохлада. В камельке, однако, развели такой огонь, что в избушке и при открытой двери стало тепло. Всё же, затеяв баловство, парни и девушки оголились лишь ниже пояса, так что на устлавших пол тулупах, полушубках, одеялах теснились и белели в движении лишь ноги и зады.

После улаждающих трудов все притихли, не сразу отойдя от только что пережитого. Девушки вскипятили чайник, компания пила из кружек чай с колотым сахаром вприкуску; ели бруснику. Илья просил девушек помогать Марии по хозяйству, и все четверо отвечали согласием: подруги они были преданные. Работы же в покинутом парнями дворе было много, взять хоть ту же молотьбу. Каждой и у себя дома хватало дел вдосталь, и приходилось думать: как долго предстоит прятаться в лесу Илье и Маркелу? До Саврухи доходили вести, что красные на Волге бьют белых: отобрали Казань и, кажется, и Симбирск, подступают к Самаре. Вставал вопрос: что станется, если красные победят? и что будет, коли всё же одолеют белые?

Обреев сказал, что если дом и землю отберут, то не зря же он учился, пускай и недолго, ремеслу шорника, кузнечному и плотницкому делу.

– Проживу, лишь бы жить давали! – заявил он деловито и тревожно и отправил в рот горсть ягод.

Маркел произнёс задумчиво:

– А по мне – без земли лучше. Не хочу пахать, мужиком жить.

Все заинтересовались, куда он хочет отправиться.

– Никуда, мне здесь в нашем краю хорошо, нравится он мне! – с чувством проговорил Маркел. – Офицер, который у нас стоял, сказал, что дороги плохие, не хватает элеваторов, паровых мельниц и ещё много чего. Значит, победи белые, они будут всё это восполнять. И, конечно, займутся и пожарным делом. Я думаю, в сёлах будут свои пожарные, и в Саврухе – тоже. Вот мне и дело. Постараюсь в старшие выйти.

– Неплохо надумал – чай, гореть не перестанет! Лишь бы жалование платили хорошее! – поддержала Варвара восхищённо, как, несомненно, поддержала бы и желание Маркела стать коновалом.

Обреев с усмешкой в глазах сказал ему:

– При красных, может, и побольше будет гореть – тоже станешь пожарным? или, думаешь, они не заведут пожарных в каждом селе?

Маркел языком погонял во рту кусочек сахара, отхлебнул из кружки чая, заговорил, глядя на багровые угли в камельке:

– Если победят красные, важное будет другое. Что-то будет делаться для великой мировой силы. И я возьмусь ловить тех, кто против идеи всемирного могущества.

– Это в нашем краю-то? – обронил Илья так, словно услышал несуразность. – Да здесь как было, так и будет: избы, плетни, коровы да овечьи стада. – Он презрительно хмыкнул, заключил с издёвкой: – Великая сила!

Маркел, не потеряв спокойствия и всё так же глядя на раскалённые угли, сказал:

– В нашем краю, в нашем доме о ней открыл нам человек! – вспоминая Москанина, произнёс размеренно:

– Хочу, чтобы и в наших местах было сотворено нужное для титанической мировой силы.

– Чтобы железный плот пролетел? – продолжал трунить Илья.

– А хоть бы и он – от нас и на вражеские страны! – ответил Маркел гордо: – Я верю!

29

Парням изо дня в день попадались жёлто-коричневые лисички, беловатые маслята, синезёлтые сыроежки, красноватые рыжики и разные другие грибы, а потом пошли всё больше золотисто-медовые зимние опята. Холодеющие ночи предупреждали о близящейся зиме, в камельке до утра горел валежник. Какая-нибудь из подруг, в то время как остальные трудились по хозяйству, привозила хлеб, сливочное масло, яйца. И новости.

31 октября 1918 года наступавшая со стороны Самары 24-я Симбирская дивизия красных, которую они именовали Железной, вошла в Бузулук. Парни узнали: красные показались в Саврухинской волости, а, значит, белым вряд ли до того, чтобы ловить нежелающих идти в их армию. Придут комиссары – объявят свою мобилизацию, но всё же нельзя не навестить дом. И ждут дела, для каких надобны мужские руки, и не отмахнуться от ясного, как день: красные, застав в доме одну девку, непременно уведут коней, зарежут корову, а односельчане довершат опустошение. Само собой понятно, что и при хозяевах-мужиках коммунисты не постесняются с реквизицией, но им можно будет сказать про Москанина, – имущество парням и Марии выделила советская власть.

И парни, через неохоту, возвратились из леса домой, стали чистить хлев и конюшню, домолачивать хлеб.

Прошло с неделю; в холодный, с порхающими снежинками ноябрьский полдень Илья и Маркел на гумне оправляли омет, а когда вышли из-за него, увидели троих военных около конюшни. Приблизившись к ним, парни заметили у них на папах красные звёздочки. Два красноармейца придерживали рукой ремни висевших за плечом винтовок, третий был в офицерской, со срезанными погонами, шинели на меху, винтовки не имел, кобура чёрной кожи на поясе сбоку окончательно подтверждала, что он не рядовой. Этот человек уже успел заглянуть в конюшню и стоял, поджидая Илью и Маркела. Шинель была для него чересчур длинна, на большом лице печатью лежала строгость.

– У белых в какой части служили? – спросил он парней придиричиво-грозным тоном, переводя с одного на другого требовательный взгляд.

– Не-е, мы у них не служили, мы скрывались, товарищ, – сказал с теплом в голосе Илья и улыбнулся.

– А не врешь? – отрывисто бросил военный, явно любящий устраивать выволочку.

Обреев, став собранно-сосредоточенным, произнёс:

– На такие вопросы я не вру! – и убеждённо-сурово добавил: – Нельзя!

Он напустил на себя почтительный трепет перед красным начальником, что тот принял как должное и привычно повысил голос:

– Я провер-рю!

Упёр тяжёлый взгляд в Маркела:

– Сам не богатырь, а шея толстая, что молчишь? Робкий?

– Я не по робости к белым не пошёл, – твёрдо заявил Маркел и заключил пренебрежительно: – Нужны они мне!

– А им ты так о нас говорил! – произнёс красный, напираяще крикнул: – А-аа?! Не-ет?!

– Никогда! – крикнул вдруг и парень в душевном подъёме. – У них на уме элеваторы, дороги, ну, может, больницы тоже. А идея мировой силы?!

Красный начальник, не вникая, обрезал:

– Ладно! Проверю!

Пошёл по двору, кивнул на баню и флигелёк, которые стояли без крыши, чернея обугленными поверху стенами.

– Почему горело?

Илья заговорил доверительно-сердечно:

– Мы тут были батраками, а когда весной пришли красные товарищи, они дали нам пользоваться, – он указал взглядом на конюшню, на хлев, пояснил: – нам двоим и кухарке – двух, значит, лошадей и корову. Ну, прочих лошадей, скот и хлеб взяли. А при белых, – продолжил парень уже мрачно, с нотой осуждения, – здешние богачи по своей зависти сделали поджог.

– А хозяин-то где? Сбежал? – произнёс начальник резко, со злобой на хозяина.

Илья потупился – вмешался Маркел.

– Расстрелян! – сказал он с важностью. – Красный командир товарищ Москанин исполнил.

Начальник уставился на парня.

– Ну что, – обронил в затруднении, не находя, видимо, повода прикрикнуть на него, но тут же нашёл, на кого излить гнев: – Кто поджигал – покар-раем!

Он обернулся к двоим красноармейцам:

– Поглядите, сколько зерна в амбаре!

И кинул Илье и Маркелу:

– Пошли в дом!

В горнице, расстегнув шинель, достал из внутреннего кармана свёрнутую пополам пачку листков, карандаш, положил на стол, рядом поместил пояс с кобурой. Илья принял у строгого пришельца шинель, под ней на том оказалась тужурка серой замши.

Усевшись за стол, начальник записал фамилию парня, имя и «как по отцу», вывел дату рождения. Стоявший по другую сторону стола Маркел проговорил тоном некой особенной серьёзности:

– Вот тут, где вы, сидел товарищ Москанин Лев Павлович. Вы его знаете?

Пришелец поднял от бумаг испытующий взгляд:

– Когда он тут был?

– В самую весну, с ним было много товарищей, он у нас проводил революцию... – начал Маркел воодушевлённо, в порыве говорить, говорить о Москанине, но сидящий за столом перебил:

– Весной мы далеко отсюда воевали! – держа карандаш короткими пальцами, приказал: – Отвечай по вопросам!

Он записывал ответы Маркела и, услышав, что тому недавно исполнилось восемнадцать, выкрикнул грубо и едко:

– Сколько?! Тебе по лицу – полных двадцать два!

Парень молча вышел, принёс из своей комнаты метрическое свидетельство. Начальник прочитал его, сказал:

– Ты, умный, и ты! – глянул на Илью. – Завтра в семь утра вам быть на площади! Там все годные соберутся. Пойдёте за мной в село Боровое, там дадут назначения.

Надев шинель, сказал как выбранил парней за проступок:

– Сейчас придут наши с подводами – сдадите продрозвёрстку! И одну лошадь мы заберём!

30

Ночью в комнату к Маркелу вошёл Илья, полнозвучно жалобно застонал, сгибаясь до полу:

– Кишки будто кошки когтями дерут! – прижал руки к животу, проговорил прерывисто: – Пойду кого-нибудь найму... чтобы отвёз меня... в Бузулук в больницу... – и ушёл.

Маркел спокойно отметил причину недуга, перевернулся на другой бок. До этого он томился без сна: поедом ел страх войны, на которую надо идти. Но сбежать, скрываться, как от мобилизации в Белую армию, не давало засевшее внутри. Воевать за красных, стать красным его призвал Лев Павлович Москанин, благодаря кому он, Маркел, сделался тем Маркелом Неделеяевым, который незыблемо чувствует себя выше всех прочих – всех тех, в ком нет идеи всемирного могущества.

Он мысленно смаковал произнесённое Москаниным слово «средства». Наука, которая откроет для красных средства всемирного могущества – великие силы, – представлялась как некое тайное умение, особенное волшебство, сами же силы воображались неясными – то темноватыми, то светловатыми – полосами высоко-высоко в небе, где они плывут и завиваются.

Иногда он воображал средства всемирного могущества облаком, которое должно же было отличаться от обычных облаков – и потому состояло, к примеру, из массы сухих песчинок; густое, оно пучилось, медленно вращалось.

Маркелу верилось в его судьбу: в то, что перед ним простирается его определённая жизнь, где ему уготовано в некие моменты увидеть невероятное, о котором рассказывал Москанин. Идти к этим моментам невозможно иначе, как в рядах Красной армии. Ему дадут винтовку, и уж он не выпустит из рук оружие, показывая кто он есть, – несчётным сусликам, которые запасают, прячут пищу, мечтая о счастье: без помех варить, жарить, печь её в своих жилищах. Его наполняла злоба и начинало тянуть в армию, несмотря на страх перед пулями, снарядами, пашками. «Не всех же на войне убивают», – говорил он себе, – а, значит, почему должны убить его, особенного человека, который в этом случае не увидит открытия великих сил? тогда зачем дана ему его особенность: то, что он часа не живёт без мысли о средствах всемирного могущества?

Душа ёжилась оттого, что на войне его могут искалечить. Но и на это он находил возражения: калека скорее всего порадует, если великие силы будут губить не далёкие страны, а тех, кто живёт вокруг. Разве же для этой радости он такой особенный?

По всему по тому, вновь и вновь убеждал он себя, не должен он быть ни убит, ни искалечен. Однако вдруг издевательски пронимало противное сомнение: пули засвистят, снаряды начнут рваться – и как так сделается, что его не заденет? не в сказку ли он верит? Ну, если так, то сказка – и те же великие силы, а такого, мысленно негодовал он, не может быть! Не верить в них – значит не верить, что он, Маркел Неделеяев, ходит по земле, ест, пьёт, видит сны.

Сон в эту ночь так и не приблизился. Маркел ворочался на койке, вставал и выходил взглянуть на ходики, пока, наконец, не встал, чтобы взять у Марии мешок с вещами и едой, попрощаться с ней и пойти к месту сбора, на площадь.

Под гонимыми ветром низкими мрачными тучами выросла толпа тех, кто уходил воевать, и тех, кто провожал. Многие обнимались, тягостно разносился женский плач. Давила пасмурь, было сосуще-промозгло. Прибежавшая Варвара обхватила Маркела, ненасытно-отчаянно целовала, содрогаясь в рыдании, залила его лицо слезами, у неё вырывалось иступлённое:

– Р-родненький!.. р-р-ро-одненький! – на миг замерев, запалённо прошептала ему в ухо: – Упустила я ночь – не знала, что тебя угонят! Вот только узнала!

Лихо подкатила таратайка, в которой сидел красный начальник в офицерской, со срезанными погонами, шинели на меху, подъехали конники. Начальник ожесточённо прокричал в нагло дующий ветер:

– Кто не явился, тех не ждём! Они будут наказаны!

Таратайка развернулась, покатила из села с такой скоростью, чтобы толпа пешех, которая последовала за ней, вытягиваясь по дороге в колонну, не отставала. Позади шагом двигались верховые.

Варвара с полчаса шла рядом с Маркелом, потом, встав на обочине, смотрела ему вслед, махала рукой, хотя он не оглядывался.

Под мятежным небом стелящееся жнивье, дальние перелески, потом потянувшийся справа лес отвечали своим видом смутному волнению Маркела: будущее то ли влекло его страха, то ли влекуще страшило. Но с каждой пройденной верстой в нём устаивалось сознание, что становится он не просто красноармейцем, а солдатом того будущего, в котором откроются средства всемирного господства.

И когда впереди за выгоном показалась околица села Борового, ему вообразилось над ней – вместо уныло-скучных ноябрьских туч – ярчайшее сияние, высоко-высоко повисший таинственный плот, увиделось не похожее ни на пар, ни на дым, ни на все прочие облака и тучи странное плотное облако: будто некое небывалое живое существо.

31

Новобранцев в Боровом развели по трое-четверо по избам, предупредив, что у селянок едой не разживёшься: тут до вчерашнего дня стоял полк красноармейцев и после себя мало чего оставил. В доме священника была устроена столовая, но прежде чем отправиться туда, следовало предстать перед доктором, который принимал в здании школы.

Маркел, подойдя, увидел на крыльце человека в шинели с откиннутым башлыком, в барашковой шапке, у него была тёмная подстриженная борода, он потирал руки в перчатках.

– Кто на что жалуется, заходи по очереди! – объявил он и ушёл в здание.

Первым за ним шагнул, припадая на ногу, парень, с которым Маркел в своё время учился в Саврухе в школе. Потоптавшись, переступили порог ещё несколько новобранцев. Маркелу жаловаться было не на что, пришёл он из любопытства и теперь поджидал, что расскажут побывавшие на приёме. Один за другим выходили недовольные: они говорили доктору, что «грудь от хрипа разрывается», а он, по их словам, послушал через трубочку и пригрозил наказанием за выдумку. Одному новобранцу, однако же, велел скорее возвращаться в Савруху, но не из-за хрипа.

– Гляжу, чего-то он мне в глаз взырился, потом в другой, велел пальцем веко задрать на том и на другом. Говорит: «Белок жёлтый в обоих! Высунь язык!» Я высунул, а он: «И язык снизу жёлтый. У тебя желтуха!» – передавал парень слова доктора. – Велел: «Чтобы на других не переходила, удались откуда пришёл!» – отпущенный радостно добавил: – А ведь правда тошно мне! – и пошёл в избу за пожитками, чтобы поспеть до темноты вернуться в Савруху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.